

ГИБЛОЕ МЕСТО

АНТОН
ГРАНОВСКИЙ

ТЕМНЫЕ ВРАТА

Гиблое место

АНТОН ГРАНОВСКИЙ

Темные врата

«ЭКСМО»

2010

Грановский А.

Темные врата / А. Грановский — «Эксмо», 2010 — (Гиблое место)

Наверное, еще никогда судьба не обходилась так жестоко с Глебом Орловым, журналистом из XXI века, по воле судьбы попавшим в Древнюю Русь. Его успешное противостояние с Гиблым местом – аномальной зоной на стыке миров – принесло ему славу и уважение друзей и лютую ненависть врагов. Глеб, прозванный Первоходом, задумал осчастливить жителей Хлынъ-града, но униженные им бояре, заключив сделку с темными тварями из мертвого царства Нави, повернули все вспять. А запуганный и равнодушный народ вновь погрузился в беспробудное пьянство и призрачное блаженство, даруемое «бурой пылью». Удастся ли Глебу Первоходу победить нового врага и запечатать Темные врата?..

Содержание

Пролог	5
Глава первая	8
1	8
2	11
3	14
4	16
5	22
6	25
7	28
8	32
9	34
10	39
11	41
Глава вторая	44
1	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Антон Грановский

Темные врата

Пролог

Добытчик бурой пыли Витчак Голохваст, мужик крепкий, но изрядно потасканный, остановился перед кружалом «Три бурундука» и сказал своему приятелю, молодому, но уже опухшему от пьянства добытчику Кочету:

– Поди-ка в кружало и погляди, там ли сейчас Озар. Коли нет, так позови меня.

– Ты чего, боишься Озара? – удивился Кочет.

Витчак наморщил красный лоб.

– Не то чтобы боюсь. Просто опасаюсь. Третьего дня этот сволочь так саданул меня батогом по загривку, что у меня потом два дня перед глазами мелькало.

– Эвона как, – посочувствовал Кочет. – За что ж он тебя?

– За бурдюк вина. – Витчак Голохваст шмыгнул лиловым носом. – Я и приложиться-то к тому бурдюку не успел, а он батогом... Обидно.

Кочет посмотрел на дверь кружала и сглотнул слюну.

– Ладно. Ежель что, вынесу тебе крыночку. Ты, гляди, суму не потеряй.

– Не потеряю, – заверил его Голохваст и в подтверждение своих слов тряхнул сумой, болтающейся у него на плече.

Кочет рысцой побежал к кружалу и, скрипнув железными петлями, скрылся внутри.

За последний год Витчак Голохваст был в Хлынь-граде седьмой раз. Тяжелые пошли времена. За добычу бурой пыли нынче засекали до смерти. Да и сбывать ее становилось все труднее. В лучшие времена Витчак половину добытой бурой пыли сбывал в родной Повалихе. Теперь же сельчане, живущие впроголодь, хорошую цену за пыль не давали. Вот и приходилось мотаться в княжий град, наполненный злыми охоронцами и свирепыми дознавателями.

Витчак огляделся по сторонам. Неподалеку от кружала стояли телеги, возле них, негромко переговариваясь и ожидая хозяев, лузгали семечки мужики-возницы. Рядом ватага мальчишек с хохотом и криками тыкала старому псу горящие палочки в морду.

– Цыц, сорванцы! – прикрикнул на мальчишек один из мужиков и делано замахнулся кнутом. – Пошто животинку мучаете? Вам говорю – оставьте!

Мальчишки нехотя отпустили собаку, но тут же переключились на ободранную кошку, которая до этой секунды спокойно дремала на гнилом пне.

Витчак Голохваст поскреб пальцами тощий, запавший от вечной голодухи живот. Затем сунул руку в карман, достал несколько медяшек, посмотрел на них, вздохнул и снова запихал в карман.

– Где ж этот Кочет? – недовольно проворчал он. – Токмо за смертью его посылать.

Витчак не ел уже два дня, но сейчас больше всего хотел выпить. В последний год жизнь обходилась с ним сурово. Сперва погибла жена – полезла в погреб за соленьями, оскользнулась на мокрой ступеньке и свернула себе шею. Молодая была баба, и любил ее Витчак безмерно. Но на этом беды не кончились. Спустя всего месяц после смерти жены он пошел в чащобу и угодил ногой в голодную прогалину. Благо успел сбросить сапог, но лизнула его голодная грязь. До сих пор прихрамывал.

Ну, а после этого, будто мало было Витчаку бед, захворал его младший брательник. Три дня лежал на топчане и пылал огнем, а на четвертый выгнулся дугой, хватанул воздух раскрытым ртом да и помер.

Вот тогда Витчак и запил. Запил мрачно, безысходно, по-черному. Сперва пропил телегу и лошадь, потом корову и амбар, а после и сам дом.

Голохваст вытер рукавом сухой рот и с надеждой посмотрел на дверь кружала – не откроется ли?

К кружалу, грохоча по выбоинам, подъехала расписная телега. С нее на ходу спрыгнул молодец в красном суконном плаще, застегнутом серебряной фибулой, и в шапке, отороченной соболем.

Голохваст шагнул к нему и подобострастно проговорил:

– Эй, господин хороший! По одеже вижу, что ты мушчина оборотистый. Не прикупишь ли у меня кой-чего?

Молодой богач, по виду – хлынский купчик из новых, остановился в шаге от Витчака, окинул его презрительным взглядом и спросил:

– А чего мне у тебя покупать, оборванец?

Голохваст шмыгнул носом и обиженно проговорил:

– Зря обижаешь, сударик. Я не оборванец.

– А кто ж ты? Одежа обношена, нос лилов. Горькую небось ведрами глотаешь?

Витчак обиделся еще сильнее.

– Вот и врешь! – сказал он, повысив голос. – Я добытчик! Хаживаю в Гиблое место!

– Вот как? – Купчик повернул голову к телегам. – Эй, мужики, знаете сего прохвоста?

– Как не знать, – лениво отозвался кто-то из возниц и сплюнул шелуху. – То Витчак Голохваст!

– И что, он и впрямь добытчик?

– Раньше был добытчик! А ноне убытчик!

Мужики засмеялись.

– Бреешь ты, Тихомир! – укоризненно проговорил Витчак. – Я и сейчас добытчик! – Витчак тряхнул засаленной сумой, висевшей у него на плече. – Видал? Ты меня оборванишь, а у меня, может, полная сума бурой пыли!

Мужики захохотали сильнее. Молодой богач усмехнулся, сплюнул под ноги Голохвасту и зашагал к кружалу. Мгновение Витчак стоял на месте, а потом бросился за купчиком, нагнал его и схватил за рукав.

– Говорю тебе – я добытчик! – выкрикнул он. – И сума моя не пуста!

– Отстань! – обронил купчик через плечо и стряхнул руку Голохваста с таким видом, будто отмахивался от паршивой собаки.

Внутри у Витчака всколыхнулась волна обиды. Он снова ухватил молодого богача за рукав:

– Не уходи так, сударик! Не обижай!

Купчик гневно сверкнул глазами:

– Батогов захотел, рвань? А ну – сгинь!

Лицо Витчака дернулось, будто от пощечины.

– Это я рвань? – хрипло спросил он. – Это я сгинь? – Глаза оборванца сузились. – Нет, сударик, это ты сгинь!

– Что-о? Да я тебя...

Купец замахнулся на Витчака палкой, но Витчак увернулся от палки и легонько ткнул молодца пальцем в бок.

– Сгинь! – повторил он.

Купчик хотел что-то сказать, но вдруг стал вздуваться, как бычий пузырь. Голова его расширилась, живот выпятился вперед, серебряная фибула отлетела. Раздался громкий хлопок – и там, где только что стоял купчик, в воздух взметнулось облачко темной пыли. Порыв ветра развеял облачко, и красный плащ, вертясь в воздухе, медленно опустился на землю.

Витчак зло засмеялся и повернулся к мужикам:

– Видали, как я его? Не надо было ему меня обижать!

Мужики смотрели на оборванца с ужасом. Старый пес, выкусывавший под телегой блох из шерсти, вскочил на лапы и глухо зарычал на Витчака.

– Ну? – торжествующе спросил Голохваст. – Чего уставились-то?

Мужики, не сводя с Витчака изумленных и напуганных глаз, попятились.

И тут старый пес, громко залааяв, бросился вперед, прыгнул в воздух, ухватил зубами сумку и, сорвав ее с тощего плеча Голохваста, понесся прочь.

– Отдай! – завопил Витчак.

Он быстро поднял камень и швырнул в пса. Камень угодил псу в голову. Пес, заскулив, рухнул боком на землю и выпустил сумку из пасти.

Голохваст ринулся к псу, но тут дверь кружала распахнулась, и на улицу, шуря глаза в сумеречную темноту, шагнул целовальник Озар. Споткнувшись о сумку, он нагнулся и поднял ее.

– Чего это? – удивленно спросил он.

Голохваст резко остановился, пробормотал что-то невразумительное и со злостью пнул пса сапогом под зад.

Озар сурово на него взглянул:

– Пошто обижаешь пса, Велес тебя задери!

Витчак побледнел.

– Нет! – крикнул он. – Молчи про Велеса, Озар!

– Боишься? – Целовальник усмехнулся. – Правильно делаешь, что боишься. Чтоб тебя Велес поскорее утащил в свое черное царство, пьянчуга!

Озар хотел швырнуть суму оборванцу, но тут Витчак упал на колени и зарыдал. А дальше произошло нечто несусветное – прямо на глазах у остолбеневших мужиков земля между Витчаком и Озаром разверзлась, и из разлома вырвался язык пламени. Язык этот, изогнувшись, превратился в огромную огненную руку. Огненные пальцы, разбрасывая искры, метнулись к Витчаку Голохвасту, схватили его за ноги, швырнули на землю и стремительно потащили к разлому.

– Нет! – заорал Витчак, пытаясь уцепиться пальцами за сухую траву. – Нет!

Огненная рука стащила Голохваста в разлом. Последним судорожным движением Витчак ухватился руками за край разлома и повис на нем. Лицо его, торчащее над разломом, искалось нечеловеческой мукой, и вдруг кожа на нем лопнула и сползла с черепа, как портянка с босой ноги.

– Нет... – прохрипел череп Витчака безязыким ртом. – Не хочу-у...

Тело пропойцы исчезло в пылающей дыре, и огненная расщелина захлопнулась, выплюнув напоследок облако пыли и дыма.

Когда пыль улеглась, оцепеневшие мужики увидели, что ямы больше нет, а на том месте, где только что стоял Витчак, расплзлась по земле огромная пузырящаяся и булькающая лужа грязи.

Глава первая

1

– Хлынь... Хлынь... К черту схлынь!

Настроение у Глеба Орлова было поганое. И дернул же его черт вернуться в Хлынь-град. Видите ли, соскучился по друзьям-приятелям. Где они – эти приятели? Ау! Да и могут ли у такого человека, как Глеб, вообще быть приятели?

Первоход, угрюмо кутаясь в плащ, шагал по грязной, заснеженной, покрытой нестойкой наледью улице. Он был в Хлынь-граде уже два дня, но за это время так и не сумел отыскать ни толстяка Хлопушу, ни жеманного красавчика Рамона. Из не совсем достоверных источников удалось выяснить, что оба они в последние месяцы крепко бражничали и ввязывались почти в каждую большую драку, которая происходила в городе. А недавно, не сумев выпутаться из очередной темной истории, увязались за обозом гофских купцов и ушли с ними, подрядившись охранять товар.

Все это не совсем вязалось с образами Хлопуши и Рамона, но Глеб давно их не видел, а здесь, в Хлынь-граде, с человеком может произойти любая метаморфоза. Порочный град-то вон он где – рукой подать!

Узнав, что толстяка и красавчика нет в городе, Глеб с удивлением понял, что страшно соскучился по обоим. Почти год прошел с тех пор, как втроем они ходили в Гиблое место. После того удачного дела Глеб и его новые друзья-приятели две недели гуляли на полученные от советника Кудеяра деньги. Но, кажется, для его приятелей тот полный куража запой не прошел даром, и после отъезда Глеба оба решили продолжить лихую жизнь. Поговаривали, что Хлопуша и Рамон не только охраняли караваны и обозы, но и брались за дела покруче и чуть ли не стали наемными убийцами.

Если это так, то Глеб виноват в том, что превратил двух нормальных парней в головорезов и пьяниц.

Подумав об этом, Глеб в очередной раз поморщился – глупости! Единственная голова, которую толстяк Хлопуша способен срезать, – это голова петуха перед его путешествием в котелок с бурлящим супом.

Встреча с сестрами-близняшками Роженой и Боженой тоже не принесла Глебу особой радости. Девушки по-прежнему бедствовали, едва сводя концы с концами. Обе были отличными целительницами, однако горожане, не брезгующие помощью самых отвратительных колдунов и ведьм, считали дурным знаком общение с двумя безвредными хромоножками.

Глеб сплюнул себе под ноги, не в силах избавиться от раздражения и досады.

Ладно. Сестры не должны видеть его таким. Он будет улыбаться им и делать вид, что все хорошо. Потом пойдет к хозяину постоялого двора Дулею Кривому и заплатит за проживание сестер на полгода вперед. И будет терпеливо сносить глумливую ухмылку Дулея, его сальные намеки и суеверные предостережения. А может, и не будет. Может, двинет его кулаком в рыло и поддаст сапогом по заплывшим жиром ребрам.

Возле кружала «Три бурундука» Глеб увидел обычную для последнего неурожайного года картину. Какие-то бродяги с кистенями в руках окружили богатого мужика, шапка и кафтан которого были усыпаны блестящими полудрагоценными и драгоценными камушками.

Бродяги покамест не пустили в ход ни кулаки, ни железные кистеньки, но дело стремительно шло к этому. Хотел Глеб пройти мимо, какое ему дело до очередного толстосума, забредшего туда, куда не следовало забредать? Хотел, да не вышло.

Уже взявшись за тяжелую ручку дубовой двери, Глеб остановился и пристально вгляделся в лицо богача. Лицо это показалось ему знакомым. Тряхнув головой, словно не верил своим глазам, Глеб изумленно спросил:

– Княжий советник Кудеяр? Ты ли это?

– Так ты советник? – прорычал один из бродяг. – А ну – сымай кафтан и выворачивай карманы!

– А ты, патлатый, тоже поди сюды! – окликнул Глеба второй бродяга, рослее и мощнее первого. – Поди, говорю, сюды!

Глеб отпустил дверную ручку и вздохнул.

– Каждый раз одно и то же, – с досадой произнес он. И добавил, устремив взгляд на самого рослого бродягу: – Не жалеете вы себя, ребята.

– Чего?

– Говорю: жизнь вас ничему не учит. Ты, кажется, меня не признал?

– Незачем мне тебя признавать. Выворачивай карманы! Не то сгублю! – Громила дернул рукавом, и в ладонь ему из рукава выпал нож. – Ну!

Глеб, гневно нахмурившись, шагнул вперед. Громила, поняв, что имеет дело со строптивцем, взмахнул ножом. Глеб увернулся и ударил его кулаком в грудь, вложив в этот удар всю силу. Верзила упал навзничь и замер на земле с посиневшим лицом.

– А мы-то чего смотрим, братцы? – заорал один из бродяг. – Этот гад Талалая зашиб! Бей его!

Бродяги, размахивая кистенями, ринулись на Глеба. Глеб увернулся от ухнувшего возле головы кистеня, схватил первого из бродяг поперек туловища, резко поднял, перевернул в воздухе и ткнул головой в землю. Другому перехватил руку и резко вывернул запястье. Кистень упал в грязь. Четвертого бродягу Глеб сшиб с ног ударом сапога в живот.

Советник Кудеяр сбросил, наконец, оцепенение, выхватил из-за пояса плеть и ошпарил одного из разбойников по физиономии. Потом схватил его за космы, швырнул на землю и принялся хлестать плеткой по голове и плечам. И забил бы насмерть, не перехвати Глеб его руку.

– Хватит, – спокойно сказал Глеб. – Будет с него.

Советник Кудеяр остановился, тяжело дыша и обливаясь потом. Русая чистая и ухоженная борода его растрепалась. Красивое лицо с голубыми глазами покраснело.

Глеб легонько оттолкнул Кудеяра к стене и внимательно его оглядел. Одет советник княгини был роскошно. На голове – шапка с опушкой из черно-бурой лисицы и жемчужной канителью на тулье. Парчовый кафтан с бархатными вставками подпоясан алым кушаком с кручеными кистями, а на концах кистей – искрящиеся яхонты.

– Отличный прикид, – похвалил Глеб. – На выставке безмозглых павлинов ты бы занял первое место. Ты, должно быть, совсем рехнулся, если пришел сюда в такой одежде?

Кудеяр вытер потный лоб рукавом, сунул плеть за пояс и, натянуто улыбнувшись, ответил:

– Я тебя искал, Первоход. Все кружечные дома в городе обошел.

– Вот как? – Глеб снова окинул взглядом роскошную одежду Кудеяра. – Удивляюсь, как ты еще жив.

– При мне была охрана. Но я отправил охоронцев прочь, когда решил вернуться домой.

– Чего ж не вернулся?

– Вспомнил, что в этом кабаке я еще не был. Вот и пришел.

Глеб насмешливо прищурился:

– Видать, сильно я тебе понадобился, коли на такой риск заради меня пошел. Но вот я пред тобой. Говори, чего нужно?

Кудеяр пригладил красивой ладонью русую бороду, отчего перстни на его пальцах заискрились, лукаво прищурился и проговорил:

– Я видел, ты шел в кружечную избу.

– И что?

– Хочу тебя угостить. Надеюсь, ты не откажешь мне в этой любезности.

2

Десять минут спустя Глеб и Кудеяр сидели за стойкой кружала, пили пиво и заедали его холодной бараниной. Съели по куску, выпили по несколько глотков, после чего Кудеяр приступил к разговору.

– Есть у меня к тебе, Первоход, дело, – сказал он, внимательно и настороженно глядя на Глеба. – Дело очень важное. Такое, что важнее, пожалуй, и не сыщешь.

– Правда? И что за дело?

– Видишь ли... – Кудеяр на секунду замолчал, подбирая нужные слова, потом покосился на целовальника, натирающего рушником стаканы, и сказал: – Давай-ка переберемся за стол. Разговор у нас будет важный.

– Что ж, давай.

Они взяли со стойки кружки и тарелки и перебрались за стол. Дождавшись, пока Глеб снова отхлебнет из своей кружки, Кудеяр слегка подался вперед и, понизив голос, проговорил:

– Меня послала к тебе княгиня Наталья.

Глеб пару мгновений молча смотрел Кудеяру в лицо, затем отвел взгляд, достал из кармана коробку с бутовыми сигаретами, вытряхнул одну и сунул в губы.

– И что ей от меня понадобилось? – хмуро спросил он.

Кудеяр огляделся, чтобы удостовериться, что их разговор не коснется чужого слуха. Затем сказал:

– В княжестве нашем беспокойно, Первоход. С тех пор как открылось, что князь Егра мертв, все в княжестве разладилось. Бразды правления выскользнули из рук Натальи. Дружинники беспредельничают, вотчинники противятся приказам. Бояре с купцами спелись и вместе на бурой пыли наживаются. Мало им холопов, так повадились лесной люд отлавливать и к делу своему пакостному привлекать. Всяк тянет одеяло на себя, и долго так продолжаться не может.

Кудеяр перевел дух, отхлебнул холодного пива и снова взглянул на Глеба своими голубыми чистыми глазами.

– В соседних княжествах прознали про наш разлад и собирают войско, – сказал он, понизив голос почти до шепота. – Будут земли наши воевать.

Глеб, загнав сигарету в угол хмурого рта, молчал. Чем больше говорил Кудеяр, тем мрачнее делалось его лицо. Советник тяжело вздохнул и добавил:

– Еще немного – и от княжества нашего не останется камня на камне.

Глеб затаился сигаретой, выдохнул густое облако дыма, посмотрел сквозь него на советника и четким, сухим голосом заявил:

– Кудеяр, мне нет дела до вашего княжества. И мне нет дела до княгини. Я приехал сюда всего на пару дней, проведать друзей. И уже завтра укачу отсюда прочь.

Советник чуть склонил набок свою красивую голову и спокойно и незлобливо посмотрел на Глеба.

– Княгиня знала, что ты так ответишь, Первоход. Она сказала, что заслужила твою нелюбовь и что ты волен говорить о ней все, что тебе вздумается. Но дело сейчас не в княгине.

– Вот как? – Глеб прищурился сквозь дымовую завесу. – Тогда в ком?

– Наталья помнит, как ты рассказывал ей о стране, из которой прибыл. Она хочет, чтобы ты помог ей устроить в Хлынском княжестве такую же благолепную жизнь.

Лицо Глеба слегка вытянулось от удивления. Затем он насмешливо прознес:

– Забавно. А она меня ни с кем не путает? Я простой огородник, и если устраиваю благолепную жизнь, то не людям, а клубнике с морковью.

Кудеяр слегка качнул белокурой головой, как бы отменяя все доводы Глеба, и проговорил твердым, настойчивым голосом:

– Ты умен, смел и дерзок, Первоход. Бояре знают, на что ты способен, и не посмеют тебе перечить. Ежели согласишься помочь, княгиня Наталья сделает тебя своим первым советником и будет во всем тебя слушаться.

Кудеяр замолчал, ожидая ответа, но Глеб с ответом не спешил. Княжество и впрямь катилось в тартарары. Глеб понял это, пробыв в Хлыни всего два дня. На улицах тати вершили беспредел. Не уступали им в этом и вольнонаемные охоронцы. Да и князьи дружинники с каждым днем становились все лютее. Алчность побеждала долг, и дружинники думали не о служении княжеству, а о звонкой монете и собственных кошельках.

Купцы вели между собой настоящую войну за делянки, на которых добывалась бурая пыль. Бояре тайно им помогали, улыбаясь друг другу в лицо и воюя друг с другом за спинами.

Благодаря всеобщему раздраю степняки нагло, посреди белого дня, набегали на деревни и села, мужчин и детей убивали, а женщин насиловали и уводили в полон. Те, кто уцелел, бежали из сожженных сел и пополняли полчища тощих, вечно голодных бродяг. Умерших с голоду уже не бросали в овраг на съедение бродячим псам, а вывозили к меже и оставляли там на растерзание оборотням, упырям и волколакам. Счет потерям никто не вел.

Н-да... Неладно было в Хлынском княжестве, весьма неладно. Однако вмешиваться во все это Глеб не собирался. Куда одному человеку справиться со всеобщим беспределом? Пусть даже в руке у этого человека есть ружье, а на боку – обоюдоострый меч.

Глеб неторопливо стряхнул пепел в пустую плошку, снова глубоко затянулся, скосив глаза на раскаленный кончик сигареты, затем выпустил облако дыма и медленно проговорил:

– Значит, предлагаете мне стать серым кардиналом. Интересное предложение. – Он глянул на боярина спокойным, холодным взглядом и иронично поинтересовался: – Ну, а как же ты, Кудеяр? Если я стану первым советником, то кем будешь ты?

Кудеяр чуть прищурил чистые голубые глаза и ответил:

– Я не ревнив и не властолюбив, Глеб. Коли ты станешь первым советником, то я довольствуюсь званием второго. Главное, чтобы это пошло на пользу княжеству.

– Так ты патриот?

На благородном лице Кудеяра отразилось замешательство.

– Прости, я не...

Глеб дернул щекой.

– Ладно, не важно. Как ты узнал, что я снова в Хлынь-граде, Кудеяр?

Боярин смиренно опустил взгляд и тихо ответил:

– Слухами земля полнится.

– Ясно. У тебя тут везде свои соглядатаи да наушнички, верно? Едва я въехал в город, тут же доложили?

– Так ведь ты и не прятался, – пожал плечами Кудеяр. – Награду за твою голову уж давно отменили. Тебе нечего бояться. – Советник замолчал, ожидая, что скажет на это Глеб, но тот молчал, и тогда Кудеяр осторожно спросил: – Так что мне передать княгине, Первоход? Согласен ли ты нам помочь?

Глеб отхлебнул пива, облизнул губы и хмуро произнес:

– Скажу тебе честно, Кудеяр: я не думаю, что княжество можно спасти. Я понимаю, что вы ждете Великого Спасителя, но я не реформатор. Не того княгиня задумала брать в советники.

Лицо Кудеяра потемнело, а уголки красивых, мягко очерченных губ опустились вниз.

– Стало быть... отказываешься? – тихо произнес он.

– Стало быть, так, – ответил Глеб.

Несколько секунд Кудеяр молчал, словно не мог до конца поверить в то, что надежды его рухнули. Потом разлепил алые, будто у девицы, губы и выдохнул:

– Жаль. Княгиня очень на тебя надеялась... Прости.

Кудеяр встал, положил на стол несколько медных монет, повернулся и, так больше и не взглянув на Глеба, побрел к двери. Глеб молча глядел ему вслед. Когда дверь за советником закрылась, он взял со стола кружку и встал с лавки. Подошел к стойке, брякнул кружку на отшлифованную до блеска дубовую доску, посмотрел на целовальника и сказал:

– Налей еще.

Наполняя кружку Глеба пивом, целовальник глянул на него любопытным взглядом и поинтересовался:

– А чего это к тебе княгинюшкин советник приходил? Никак на службу звал?

– Звал, – проговорил Глеб, о чем-то напряженно размышляя.

– А ты отказался?

– Отказался.

– И правильно сделал.

Глеб поднял на целовальника глаза и недобро прищурился.

– Это почему же?

– Недолго княгине осталось на троне восседать, – сказал целовальник. – Нынче с ней никто не связывается, все испачкаться боятся.

– Как это «испачкаться»? – не понял Глеб.

– Да так. Повесят ее бояре на Сходной площади, а вместе с ней и всех ее советничков.

И Кудеяр среди них будет первым.

Глеб нахмурился.

– Думаешь, и впрямь повесят?

– Конечно, – небрежно ответил целовальник. – Давно бы уж вздернули, да руки у бояр не доходят. Все казну делят да никак поделить не могут.

Глеб помолчал, потом холодно взглянул на целовальника и уточнил:

– А ты сам-то беспредела не боишься?

Тот усмехнулся:

– Я уже ничего не боюсь. Через три дня закрываюсь. Поеду к брательнику в Полоцк. И гори оно синим пламенем, это Хлынское княжество.

Целовальник пододвинул к Глебу кружку с пивом, затем снял с гвоздя мягкую тряпицу и, легкомысленно что-то насвистывая, принялся протирать вымытые стаканы.

3

На улице похолодало. Глеб достал из кармана берестяную коробку с бутовыми сигаретами, взял одну и закурил. Выпустил изо рта косматое облако дыма и посмотрел, как расплывается оно в холодном воздухе.

Огромное черное небо было ясным и звездным. Над заиндевевшей землей сверкала Большая Медведица. В тишине звонко скрипели по снегу полозья проезжающих мимо саней.

В стороне от входа, рядом с кладкой дров, огороженной обледенным скользким частоколом, горел костерок. У костерка, на черном бревне, сидел закутанный в тряпье бродяга. Лицо его было скрыто наголовником. Когда Глеб проходил мимо костерка, бродяга поднял голову и хрипло пробурчал:

– Все сражаешься с демонами, Первоход?

Глеб остановился и, повернув голову, взглянул на бродягу.

– Кто ты? – спросил он.

– Я? – Бродяга улыбнулся под своим балахоном. – Просто странник.

Глеб подозрительно прищурился:

– Откуда ты про меня знаешь?

– В Хлынском княжестве нет человека, который не знал бы или не слышал о тебе. – Бродяга взял палку и поворошил угли. – Беда пришла в Хлынь, Первоход, – со вздохом проговорил он. – Коли заваруха начнется, никому из простого люда не выжить. Не забьют мечами, так пожгут огнем.

– Заваруха? – Глеб хмыкнул. – Уж не прорицатель ли ты?

– На свете много людей, способных прорицать будущее, – спокойно ответил бродяга. – Что до меня, то я всего лишь вижу изнанку настоящего.

– И что ты там видишь, в этой изнанке?

Бродяга повернул к Глебу голову, несколько мгновений молчал, а потом тихо проронил:

– Демонов.

Глеб поморщился:

– Каких еще демонов?

– Тех, которые населяют твою собственную душу.

Глеб разочарованно хмыкнул:

– Ясно. Обычная христианская проповедь. Интересно было с тобой поболтать, поклонник плачущего бога. Но сейчас мне пора идти. Благоденствия тебе.

– А тебе – удачи!

Глеб повернулся и зашагал прочь. Бродяга откинул наголовник поношенного плаща и задумчиво посмотрел Глебу вслед. Если бы Глеб оглянулся, он бы сильно удивился, поскольку под драным плащом у бродяги обнаружилась добротная охотничья куртка, на перевязи у него висел меч, а лицо его – гордое, спокойное, испещренное тонкими шрамами – было лицом воина или охотника.

* * *

Хороши были сани у советника Кудеяра. Добротные, резные, крытые пологом. Сидел Кудеяр в саях и смотрел на приближающегося Глеба так спокойно и смиренно, будто Глеб сам повелел ему дожидаться своего прихода.

Вместе с ним сидели два огромных охоронца в полном вооружении. Несколько секунд Глеб недоуменно таращился на Кудеяра и охоронцев, потом усмехнулся и выдохнул:

– Ясно. Ну, и на кой черт тебе понадобился весь этот спектакль?

Кудеяр улыбнулся и сказал:

– Садись в сани, Первоход. Княгиня ждет.

Глеб прищурился и недовольно спросил:

– Ты думаешь, я сяду?

– Думаю, сядешь.

Глеб холодно посмотрел на охоронцев. Небрежно поинтересовался:

– А если нет? Натравишь на меня своих псов?

По губам Кудеяра скользнула улыбка.

– Зачем? Я еще не выжил из ума.

Глеб помолчал, поглядывая на советника, потом спросил недовольным голосом:

– Выходит, ты знаешь меня лучше, чем я сам?

– Выходит, что так, – кивнул Кудеяр.

– Ладно. – Глеб шагнул к саням и ловко на них запрыгнул. – Но имей в виду: я еще ни на что не согласился.

– Зачем же сел в сани?

– Хочу встретиться с княгиней.

– Зачем?

Глеб усмехнулся и ответил:

– Соскучился. – Он толкнул в плечо сонного толстозадого возчика. – Эй, хомяк, правь к царскому терему!

Возчик встрепенулся, привстал на козлах и, хрипло гаркнув «А ну пошли, милые!», стегнул лошадок плетью.

4

Княгиня Наталья была так же хороша, как прежде, но не так холодна и неприступна. Тень суровости и мрачной озабоченности покинула ее чело. Она словно бы вновь ожила после того, как призналась всем в том, что князь Егра давно мертв. Правда, об истинном положении вещей поведали только домовым боярам, а народу рассказали байку о том, что князь Егра завис между Явью и Навью и несколько лет не мог окончательно перейти границу, отделяющую мир мертвых от мира живых.

Как бы то ни было, но теперь страшной лжи о величественном мертвеце пришел конец, с души Натальи упал камень, и она снова смогла расправить плечи.

Едва Глеб переступил порог горницы, как Наталья тут же приказала слугам и приближенным выйти вон, и они остались наедине. Усадив Глеба рядом с собой, Наталья долго разглядывала его лицо, после чего приветливо и почти ласково сказала:

– Ты изменился, Первоход.

– Да, – ответил Глеб, – знаю. Я целый год жил в мире с собой и с окружающими, и это не могло не наложить отпечаток на мою физиономию.

Княгиня улыбнулась.

– Так и есть. Черты твои не так грубы и жестоки, как прежде. А глаза... когда-то они были мрачнее бездны и холоднее льда, а теперь в них мерцает теплый огонь. – Княгиня неуверенно повела плечами. – После того как ты расправился с Пастырем, я искала тебя, чтобы наградить. Но ты быстро уехал из княжества.

«Плоховато ты искала», – хотел было сказать Глеб, но сдержался и небрежно пояснил:

– Я должен был спешить, ведь меня ждал мой огород.

Наталья кивнула:

– Да, я помню. Слава о дивных плодах, которые ты выращиваешь, дошла и до нашего княжества. Должно быть, ты богат и ни в чем не нуждаешься?

Глеб усмехнулся:

– Смотря что считать богатством. Не думаю, что я богат, но я действительно преуспел.

Несколько секунд Наталья молчала, а потом тихо спросила:

– Не тоскуешь по былым временам, Первоход?

– По былым временам? Что ты имеешь в виду?

– Когда-то ты был лучшим ходоком и охотником в княжестве. Самым храбрым, ловким и сильным. Трудно представить, что ты отложил меч и все свое время отдаешь борьбе с жуками-короедами.

– Короеды не так безопасны, как кажется, – ответил на это Глеб. – Что до прочего, то капустный кочан приятнее упырьей головы. А россыпь ароматной клубники выглядит красивее, чем лужа крови.

Княгиня сдвинула брови и сказала:

– Ты возделываешь огород и доволен своей участью. Но представь себе, что твой огород – это все наше княжество. На нем полно сорняков и паразитов. И никто, кроме тебя, не сможет одолеть это зло.

Несколько секунд Глеб молчал, а потом вдруг качнул головой и засмеялся.

– Ох, княгиня! – выговорил он, посмеиваясь. – Ты всегда умела убеждать!

Наталья тоже улыбнулась.

– А ты всегда умел быть полезным, когда речь шла о чем-нибудь спасении. Принеси пользу и сейчас.

Глеб смахнул рукой выступившие от смеха слезы.

– Что ж... Всегда мечтал порулить каким-нибудь княжеством. Я принимаю твое приглашение, княгиня. Но с одним условием. Что бы ни случилось – слова мои слушать беспрекословно. Что прикажу – делать немедленно и без рассуждений. Согласна ли ты на это?

– Твои слова будут законом, – твердо ответила Наталья. – Клянусь Сварогом и Велесом!

– Ну так тому и быть. Времени, насколько я понял, у нас немного. Значит, возьмемся за дело прямо сегодня. Мне понадобятся лучшие мастера и хлеборобы. Пошли дружинников по селам и деревням, пусть разыщут таковых и доставят сюда.

– Хорошо, Первоход.

– И прикажи своим головорезам вести себя с мастерами и хлеборобами вежливо. Мы ведь не в плен их берем. Начальником над мастерами поставим кузнеца Вакара. Лучшего умельца, чем он, во всем княжестве не сыщешь.

– А коли откажется?

Глеб усмехнулся.

– Заплатим серебром, не откажется.

Лицо княгини погрузнело.

– Казна почти пуста, Глеб, – вздохнув, сказала она. – И пополнения ждать неоткуда.

– Вот как? Так какого же лешего ты меня... – Глеб осекся, заметив, как побледнело и помрачнело лицо княгини. Несколько секунд он молча и мрачно размышлял, потом дернул щекой и небрежно проговорил: – Ладно. С этим мы разберемся позже. А пока...

Наталья остановила его жестом и сказала:

– Глеб, прежде чем ты продолжишь, я хочу познакомить тебя с моими советниками. С теми, кто послужит тебе опорой во всех твоих делах. – Княгиня повернулась к двери и громко окликнула: – Липок!

Двери почти тотчас же распахнулись, и в горницу вошел княжий холоп Липок.

– Позови ко мне Будислава и Рогдая! – распорядилась княгиня Наталья.

Липок кивнул, повернулся и быстро исчез. А вскоре вернулся в сопровождении двух бородатых мужчин. Первый был седой и полный, второй – сухой, мрачный и черный как ворон. Седой был одет богато и даже роскошно, второй – аскетично и сурово, как подобает воину. Впрочем, кольчуга его, надетая поверх шерстяного подклада, была первоклассной и стоила, должно быть, целое состояние.

Войдя в горницу, оба бородача низко поклонились княгине Наталье, поприветствовали ее в самых торжественных выражениях и только потом позволили себе взглянуть на Глеба.

– Познакомься, Глеб, – сказала Наталья. – Это самые верные мои люди. Те, на кого ты сможешь положиться. Этот вот, с седой головой, советник Будислав. Он разумеет грамоте, знает и клинопись, и новую глаголицу. А помимо того – владеет языками гофов и византийцев.

Глеб протянул боярину руку:

– Приятно с тобой познакомиться, Будислав.

– Мне тоже, Первоход. Я много о тебе слышал.

Княгиня Наталья перевела взгляд на второго советника.

– Этот черноусый молодец – мой советник по военным делам Рогдай, – представила она.

Черноусый боярин с моложавым хмурым лицом выдвинулся вперед и протянул Глебу руку. Пожатие советника Рогдая было таким же твердым и крепким, как его взгляд.

– Первоход, ты можешь всецело доверять этим двум, – сказала княгиня. – Они, так же как я, болеют сердцем за княжество и не хотят его погибели.

Глеб внимательно посмотрел на советников княгини.

– Хорошо, если так. Впереди у нас с вами много работы, парни. И если уж я ввязался в это дело, то хочу, чтобы вы выполняли мои поручения, не рассуждая. Могу ли я на вас рассчитывать?

– Ты можешь на меня рассчитывать, – сухо и веско проговорил Рогдай.

– И на меня тоже, – мягко произнес Будислав.

В комнату вошел лакей в пестром одеянии, отдаленно похожем на ливрею. Преклонив голову и не глядя никому в глаза, он громко возвестил:

– Светлейшая княгиня, купец Добровол и волхв Чтибогх просят войти к тебе в горницу для разговору!

– Скажи, пусть войдут, – разрешила Наталья, сразу выпрямившись и посуровев лицом.

– Эти двое – главные недруги княгини, – шепнул на ухо Глебу советник Кудеяр.

Обе створки двери распахнулись, и в горницу вошли два человека весьма примечательного вида. Первый – высокий, плотный, с каштановой, очень ухоженной бородой и грозным, величественным лицом. Одеяние его было так густо усыпано яхонтами и жемчугом, что блеск их слепил глаза.

Второй вошедший был полной противоположностью первого – невысокий, сутулый и согбенный, в простой серой хламиде и с лицом, более приличествующим лесному жителю, чем горожанину. Кожа его была смугла и испещрена морщинами, и из этого переплетения морщин выглядывали два сверкающих глаза, а взгляд этих глаз был таким жгучим, мрачным и нетерпимым, что заставил бы поежиться и самого Глеба, если бы не присутствие княгини и ее советников.

– Мир тебе, пресветлая княгиня! – поприветствовал Наталью боярин.

– Мир и тебе, Добровол. Ты хотел со мной поговорить?

Боярин Добровол почтительно склонил голову и сипловатым, негромким голосом произнес:

– Дошел до нас слух, княгиня, что ты призвала на службу нового советника. Правда ли это?

– Слух? – Наталья нахмурилась. – Я вижу, слухи доходят до тебя гораздо быстрее, чем до прочих, боярин. И эта быстрота не может не удивлять.

– Так это правда или нет?

– Правда. Этот советник стоит по правую руку от меня, и теперь он – мой первый помощник.

Боярин Добровол и волхв Чтибогх уставились на Глеба.

– Моего нового советника зовут Первоходом, – сказала княгиня. – Вы наверняка слышали о нем.

– Мы о нем слышали! – прокаркал волхв. – Говорят, он был первейшим смутьяном в княжестве, пока не уехал!

– Люди много чего говорят, Чтибогх, – заметил советник Кудеяр. – Но не всему из этого следует верить.

Волхв повернулся к княгине и взглянул на нее своими безумно сверкающими глазами.

– Я пришел к тебе не просто так, пресветлая княгиня! – прокаркал он. – Твой муж, князь Егра, вызывает к тебе из глубины мрака! Он требует слова, и я хочу стать его устами! – Волхв прищурился. – Впрочем, если ты не пожелаешь его выслушать...

– Я его выслушаю, – холодно проронила Наталья.

Волхв закрыл глаза и напрягся. Глеб повернулся к Кудеяру и вопросительно на него посмотрел. Тот чуть наклонился навстречу и тихо шепнул:

– Его устами с нами говорит покойный князь Егра.

– Ясно, – так же тихо отозвался Глеб.

Он внимательнее взгляделся в морщинистое, жесткое лицо волхва. «Похоже, с этим стариком будут проблемы», – подумал Глеб. И не ошибся. В следующую секунду волхв открыл глаза, уставился на княгиню жестким взглядом и вдруг разлепил старческие губы и громко изрек:

– Я здесь, Наталья! И я хочу с тобой говорить!

Глеб почувствовал, как по спине его пробежала холодная волна. Голос, которым говорил волхв, был изумительно, просто неправдоподобно похож на голос покойного князя. Глеб незаметно покосился на советников княгини Натальи. Те стояли со спокойными лицами, и губы их были плотно сжаты, однако побледнели и они.

Наталья стиснула пальцами подлокотники резного кресла и слегка подалась вперед.

– Это и впрямь ты, князь? – дрогнувшим голосом спросила она.

– Да! – властным голосом ответил волхв. – Это я, твой муж Егра!

Наталья облизнула кончиком языка пересохшие губы и тихо пробормотала:

– Что ты хочешь мне сказать?

– Что я хочу сказать? Неладное дело задумала ты, княгиня! – Волхв повернул голову и уставился на Глеба. – Ты призвала Первохода и сделала его своим первым советником! Уж не свихнулась ли ты, жéно?

– Он... нам поможет, – пролепетала Наталья. – Он знает как.

– Он знает как? – Морщинистые губы волхва растянулись в усмешку. – Не тот ли это Глеб Первоход, который утопил в болоте огнестрельные посохи?

– Да, – тихо отозвалась княгиня. – Но сперва он помог нам справиться с лютыми нелюдьми и вероломной Голядью.

– Прогони самозванца! – гаркнул волхв и грянул о дубовый пол своим тяжелым посохом. – Прогони!

От этого гневного, неистового крика вздрогнули и побелели даже советники Натальи, не говоря уж про саму княгиню. Она вдруг вся сжалась на своем массивном резном троне, превратившись из величественной княгини в перепуганную девочку, нарушившую запрет взрослых.

– Прогони самозванца! – холодно и властно повторил волхв, испепеляя Глеба взглядом. – Сию же минуту!

Несколько мгновений Наталья молча и неподвижно сидела на своем троне, потом повернула голову к Глебу и пробормотала, стараясь не смотреть ему в глаза:

– Сам видишь, как все повернулось, Первоход. Тебе... Тебе придется уйти.

Внезапно в груди Глеба поднялась ярость. Он выступил вперед, обвел присутствующих недобрым взглядом и отчеканил:

– А теперь послушайте, что я вам скажу, бояре. Слушай и ты, волхв! Княгиня Наталья призвала меня, чтобы я помог ей навести порядок в княжестве и защитить его от набегов соседей и степняков. Я не горел желанием браться за эту работу и сперва отказался. Отказался, потому что не знал, насколько глубоко вы тут все увязли. Но теперь я здесь. Я принял предложение княгини, и она дала мне слово, что будет слушаться меня беспрекословно. Княгиня поклялась Сварогом и Велесом, а эта клятва нерушима. Слышишь ли ты меня, боярин Добровол?

Добровол встретил взгляд Глеба прямо и твердо. Несколько секунд мужчины молчали, затем Добровол разомкнул широкие, выпуклые, властные губы и холодно изрек:

– Значит, не уйдешь?

– Не уйду, – ответил Глеб.

Боярин Добровол перевел взгляд на княгиню:

– Выходит, князь Егра тебе больше не указ?

Наталья понурила голову.

– Ты сам все слышал, боярин, – тихо сказала она. – Я дала клятву. Столь страшную, что не смогу ее нарушить.

Добровол пробежал взглядом по лицам Будислава и Рогдая и вдруг рявкнул:

– Охоронцы!

Дубовые двери распахнулись, и в зал вбежали четыре коренастых, жилистых ратника, по виду очень сильные, опытные и умелые. Остановились за спиной Добровола и, положив пальцы на рукояти мечей, замерли в напряженных позах.

Добровол и волхв смотрели на Глеба с такой лютой ненавистью, что на мгновение Глеб понял – вот-вот он дрогнет, но уже в следующий миг взял себя в руки. Глядя Доброволу в глаза, он спокойно вынул из чехла обрез охотничьего ружья и положил его цевьем на левое предплечье.

Добровол посмотрел на ружье и нахмурился.

– Тяжкую ношу ты на себя взвалил, Первоход, – проговорил он своим густым властным голосом. – Гляди, не надорвись.

– Не надорвусь, – в тон ему ответил Глеб. – Если бы ты знал, сколько раз я слышал эти слова, ты бы сильно удивился.

Добровол жестко и насмешливо прищурился:

– И где все те, которые тебе их говорили?

– Пьют сбитень с Велесом в царстве Нави.

Прищур боярина стал насмешливым.

– Ты и супротив меня пойдешь, ходок? И меня сметишь со своей дороги?

– Встанешь на пути, смету, – честно ответил Глеб.

«А ведь это объявление войны, – понял он вдруг. – Вот дьявол! Далековато же меня занесло».

Добровол тяжело вздохнул:

– Что ж... Так тому и быть. Идем, волхв!

Он хотел развернуться, но Глеб, багровея от ярости, громко окликнул:

– погоди, боярин!

Добровол, волхв и охоронцы замерли, уставившись на Глеба.

– Вы останетесь тут, пока я вас не отпущу, – заявил Глеб. – Отныне здесь, в княжьем тереме, вы будете делать только то, что я вам скажу. Понятно?

Добровол гневно сверкнул серыми ледяными глазами. Глеб вдруг отметил, что пышные волосы боярина, выбивающиеся из-под дорогой шапки, похожи на львиную гриву. Все в его облике говорило о жажде власти и способности этой власти добиваться: большое сильное тело, громовой грубый голос, пылающие холодным огнем глаза.

– Есть ли у тебя право распоряжаться нами, ходок? – процедил Добровол сквозь зубы.

Глеб взглянул на княгиню Наталью. Она была бледна как смерть, но все же кивнула. Глеб снова перевел взгляд на боярина.

– Отныне я – главный распорядитель, – отчеканил Глеб. – И все, что я говорю вам, говорит сама княгиня. Отныне я – ее уста.

– Моими устами говорит князь Егра! – каркнул волхв и ударил посохом об пол.

Глеб перевел на него взгляд и негромко возразил:

– Егра более не принадлежит этому миру. Передай ему мои слова, если встретишь.

Волхв крепко стиснул в сухих пальцах свой посох и сипло пролаял:

– Негоже живому гневить мертвецов!

По губам Глеба, подобно молнии, пробежала усмешка.

– Если бы ты только знал, волхв, скольких мертвецов я изрубил на куски в Гиблом месте. Знаешь, что про меня говорят?

– Ты убиваешь темных тварей, – ответил вместо волхва Добровол.

Глеб кивнул.

– Верно. Однако я не посоветую ни одному из людей красться за мной в темноте. Иначе могу перепутать с темной тварью и... – Глеб не договорил. – В общем, вы меня поняли. Это и вас касается, боярские охоронцы!

Добровол едва заметно усмехнулся, затем перевел взгляд на княгиню и небрежно осведомился:

– Мы можем идти, княгиня? Или ты должна спросить разрешения у ходока?

Наталья растерянно посмотрела на Глеба. Тот нахмурился, хотел ответить грубостью, но вдруг – по какому-то мгновенному наитию – протрезвел от своей пьяной ярости и решил сменить тактику.

– Добровол, – заговорил он спокойным, примирительным голосом, – пожалуй, мы не с того начали. Я не хочу ссориться. Правда. У нас впереди общее дело, и мне не мешают новые друзья.

Глаза боярина, серые, матовые, жутковатые в своей непроницаемости, чуть сузились.

– Ты хочешь, чтобы я стал твоим другом?

– Да, хочу, – серьезно ответил Глеб. – И нет лучшего способа подружиться, чем совместная попойка. Мы скрепим нашу дружбу кубком вина. Ты согласен?

Боярин, похоже, слегка растерялся от такого предложения, а Глеб, знающий, что нужно ковать железо, пока горячо, быстро «дожал» его:

– Послезавтра вечером княгиня устраивает пир. На нем мы будем не только пировать, но и обсудим, между трапезой и питием, все хлынские дела. Княгиня желает, чтобы на пиру были все ее домовые бояре. Само собой, мы будем ждать и тебя. Придешь?

Добровол помолчал, пригладил ладонью широкую каштановую бороду, чуть склонил голову набок и уточнил:

– Ты уже поведал нам, что отныне ты – уста княгини. Но все, что ты сейчас сказал, могла бы сказать и она.

– Я жду тебя на пиру, Добровол, – подтвердила Наталья.

Боярин прищурился и величественно кивнул тяжелой головой.

– Хорошо, – изрек он. – Я буду сам и передам остальным. Теперь я могу идти?

– Можешь, – разрешил Глеб. – И прости, если я говорил с тобой излишне жестко. Это старая привычка, и я постараюсь от нее избавиться.

Добровол несколько секунд сверлил Глеба взглядом, стараясь проникнуть в его мысли, потом кивнул, повернулся и зашагал к выходу. Волхв Чтибогх засеменил рядом. Пропустив боярина и волхва мимо, охоронцы дружно развернулись и, чеканя шаг и не отнимая пальцев от рукоятей мечей, направились за ними.

– Ну? – спросил Глеб княгиню и советников, когда незваные гости скрылись за дверью. – Чего приуныли?

Наталья посмотрела на него недовольным взглядом и сказала:

– Ты очень дерзок на язык, Первоход.

– Что есть, то есть, – признал Глеб. – Но ты ведь это знала, когда звала меня в советники.

– Да, знала. – Княгиня слегка покраснела, потом вздохнула и тихо добавила: – Надеюсь, я не ошиблась в своем выборе.

5

Размышляя о том, с чего следует начать, Глеб пришел к выводу, что перво-наперво следует привлечь на свою сторону самых авторитетных людей Хлын-града. Побродив по городу и порасспрашивав жителей, он составил в уме что-то вроде рейтинга «самых крутых авторитетов». Первую строчку в этом рейтинге занимал он сам. А вторую – лекарь по имени Хвалимир.

Глеб пару раз встречался с Хвалимиром. Мужик был умный, но упертый и жутко самонадеянный. Жил лекарь Хвалимир анахоретом и был уверен, что не нуждается ни в чьем совете и ни в чьей помощи.

Глебу Хвалимир всегда напоминал алхимика. В сарае у него было что-то вроде лаборатории. Перегонные кубы, колбы, замысловатые котлы для кипячения трав с кучей отводов и трубок. В своей лаборатории лекарь Хвалимир готовил целебные зелья, которые затем продавал народу по ломовым ценам. Народ жаловался, но зелья покупал, потому как – помогали. За глаза Хвалимира называли «нашим шкуродером», однако работу его ценили, а самого его жутко уважали.

На дворе лекаря, крытом плотной крышей и превращенном в подобие приемного покоя, как всегда, толклось много народа. На самом почетном месте – на топчане, крытом волчьими шкурами и расположенном возле железой бочки, в которой пылали дрова, лежал пожилой мужик со всклокоченной бородой и бледным лицом. Судя по тому, сколько вокруг мужика было заплаканных людей, был он какой-то местной «шишкой», навряд ли районного старосты.

Глеб протолкался к сараю и распахнул дверь.

Хвалимир сидел на лавке и толоч в ступе очередную адскую смесь. Был он сед как снег, коротко стрижен, высок и угрюм. В ответ на приветствие Глеба он небрежно кивнул (Хвалимир со всеми здоровался кивком) и спросил:

- Что случилось, Первоход? Опять понадобилась моя заживляющая мазь?
- На этот раз мне от тебя нужно кое-что другое.

Глеб уселся на лавку и осмотрел верстаки, уставленные перегонными кубами и котлами. В сарае, освещенном факелами и светом, льющим из слюдяных окон, было прохладно, но не холодно. Отчасти из-за того, что на улице потеплело, отчасти – из-за маленькой, но чрезвычайно умело и грамотно сложенной печурки, в которой пылали березовые дрова.

– Ты – один из самых уважаемых людей в городе, – продолжил Глеб, осмотревшись. – Люди считают тебя чуть ли не богом и прислушиваются к каждому твоему слову. Мне нужна твоя помощь.

Седовласый целитель перестал толочь зелье и пристально посмотрел на Глеба.

– Помощь?

Глеб кивнул:

– Да. Ты должен стать распространителем моих идей.

На лице Хвалимира не отразилось ни удивления, ни интереса. Он снова опустил взгляд на ступку и продолжил толочь свою смесь.

– Ну так как? – спросил Глеб. – Поможешь мне?

– В народе поговаривают, что ты задумал перемены, – сухо проговорил седовласый кудесник, размеренно и спокойно работая медной толкушкой. – А я не люблю перемен.

– Это будут полезные перемены, – заверил лекаря Глеб.

Хвалимир стукнул толкушкой об ступку, остановился и медленно и сухо произрек:

– Все перемены – к худшему. Мы с тобой идем разными дорогами, Первоход. Если тебе нужна мазь, я ее тебе продам, но говорить людям о том, что твои перемены несут пользу, я не стану.

Лекарь замолчал и снова продолжил свою работу. Глеб сидел на лавке с хмурым лицом и мучительно пытался что-нибудь придумать. Для людей, жизнь которых была постоянной схваткой со страшными и плохо излечимыми болезнями, Хвалимир был настоящим Спасителем. А таких людей в Хлын-граде и окрестностях большинство. Львиная доля всех хлынских лекарей были обыкновенными шарлатанами. На их фоне Хвалимир с его чудодейственными снадобьями выглядел титаном.

В голову ничего не приходило, и, чтобы не сидеть молча, Глеб спросил:

– Там у тебя во дворе, у горячей бочки, лежит какой-то «бугор». Кто он?

– Староста Лычезар, – ответил лекарь.

– И что с ним?

– Он умирает.

– От чего?

– Застуда поедает ему легкие. А жар заставляет его кровь закипать.

– Вот оно что. – Глеб задумчиво нахмурился. – По всей вероятности, у старосты пневмония. Есть хоть какая-то надежда его вылечить?

Хвалимир качнул седой, коротко остриженной головой.

– Нет. Этому человеку ничто уже не поможет. Он умрет.

– И ты сказал об этом людям?

– Да. Я сказал им, что Лычезару может помочь только чудо. А я – лекарь. Лекарь, а не кудесник.

– Да-да, – задумчиво проговорил Глеб. – Ты лекарь. И хороший ле...

Он вдруг осекся. В голову Глебу пришла идея. Он взглянул на Хвалимира, прищурил глаза и уточнил:

– Так, говоришь, все перемены – к худшему?

– Да, – не прекращая своей работы, отозвался лекарь.

– И говоришь, что староста неизлечимо болен?

– Он почти мертвец, – тем же сухим, безразличным голосом ответил Хвалимир.

Глеб облизнул пересохшие губы.

– А если я это сделаю? Если я поставлю старосту Лычезара на ноги?

Хвалимир усмехнулся:

– Тогда ты будешь самым великим лекарем в мире.

– И ты поможешь мне уговорить людей? Убедишь их не бояться перемен, которые я им принесу?

– Если ты излечишь старосту, я сделаю все, что ты попросишь, – спокойно изрек лекарь. – Но кто бы из богов ни пришел тебе на помощь, а оживить мертвеца с изъеденными болезнью внутренностями не под силу ни одному человеку.

Глеб поднялся с лавки, глаза его возбужденно блеснули.

– Я скоро вернусь, – сказал он лекарю. – Мне понадобятся твои перегонные кубы и ты сам.

– Если ты не заметил, я занят, – сухо и неприязненно проговорил Хвалимир.

– Я это заметил. Но тебе придется мне помочь. Иначе я разобью твои чертовы колбы, дотла спалю твой дом, а тебя самого упрячу в узилище. И мне плевать, что об этом скажут люди.

Глеб поправил на перевязи меч и вышел из сарая.

Полчаса спустя Глеб вернулся и положил на стол берестяную коробку.

– Взгляни, – сказал он Хвалимиру, который стоял у горелки и помешивал деревянной лопаткой варящееся в котле зелье.

Лекарь отложил лопатку, вытер руки о фартук и подошел к столу. Заглянул в открытую коробку и хмуро спросил:

– Плесень?

– Верно, плесень. В вашем мире ее полно, и это впервые меня радует. Заводи свои перегонные кубы, Хвалимир. Мы приступаем к работе.

Хвалимир хотел возразить, но глянул на рукоять меча, торчащую из-под плаща Глеба, и предпочел оставить возражения при себе.

Вскоре работа закипела. Глеб разбавил плесень водой, вымочил ее, а получившуюся массу прогнал через фильтры, которые выдал ему Хвалимир. Затем Глеб приступил к самому процессу. Когда-то он писал статью о парфюмерах и видел, как изготавливают эссенции. Главные этапы – это выделение и очистка. Перегонные кубы и колбы Хвалимира вполне годились для этого. Этим Глеб и занялся. Работа была кропотливая и тяжелая, но Глеб был на взводе и не чувствовал усталости.

Вскоре, пропотев от жара горелок, Глеб снял плащ и куртку и продолжил работу в одной рубашке. (Пояс с перевязью и мечом уже давно лежал на лавке, и про него забыл не только Глеб, но и Хвалимир.)

Получив экстракт, Глеб приступил к следующему этапу – выпариванию и сушке. Хвалимир вначале помогал неохотно, но вскоре азарт Глеба передался и ему, и он с любопытством наблюдал за работой Глеба и без всяких возражений выполнял все, что ему приказывал Первоход.

Наконец Глеб закончил работу и вытер рукавом потный лоб.

– Кажется, готово, – проговорил он усталым, но удовлетворенным голосом. – Не уверен, что мы получили то, что нужно, однако попробовать, в любом случае, стоит.

Немного передохнув, Глеб соскреб с глиняной плошки сероватый порошок и пересыпал его на бересту. Показал Хвалимиру. Тот взглянул на порошок, понюхал его, попробовал на вкус, после чего спросил:

– И что толку в этом порошке?

– Я намерен дать его старосте Лычезару, – ответил Глеб, повернулся и зашагал к двери.

Во дворе Глеб властным голосом заставил народ потесниться и прошел к топчану, на котором лежал в горячечном бреду умирающий староста. Затем, не медля и не церемонясь, Глеб раскрыл старосте кинжалом зубы и всыпал ему в рот порошок. После взял кружку с водой, приподнял больному голову и влил ему в рот немного воды.

Староста сглотнул кадыком, и Глеб снова положил его голову на соломенную подушку.

– И что теперь? – услышал он за спиной хмурый голос Хвалимира.

– Теперь будем ждать.

6

– Первоход, проснись!

Глеб вздрогнул и открыл глаза.

– А? Что?

Он не сразу вспомнил, где находится, а вспомнив, поежился и выпрямился на лавке. Лекарь Хвалимир опустился перед ним на колени и низко поклонился. Глеб протер кулаками глаза.

– Вечерний намаз? – насмешливо осведомился он. – Не знал, что ты мусульманин.

Лекарь поднял седую, коротко стриженную голову и торжественно произнес:

– Я чту в твоём лице величайшего лекаря, Первоход!

– Вот оно что. – Глеб зевнул и потянулся. – Значит, наш мертвец ожил?

– Староста попросил ествы и питья, – с улыбкой доложил Хвалимир. – Голова его уже не объята жаром. Старый Лычезар пошел на поправку.

Глеб облегченно вздохнул:

– Ну, слава богу. Я боялся, что мы уже опоздали. Пойдем посмотрим на твоего Лычезара.

Во дворе Глеба встретили как бога. Очевидно, лекарь уже успел рассказать людям о зелье, оживляющем мертвецов, которое сварил Первоход. Глеб поинтересовался у ожившего старосты, намерен ли тот выздороветь, и получил утвердительный ответ. Потом последовала череда благодарностей, которые Глеб выслушал хмуро, но терпеливо.

Жена старосты, женщина дородная и румянощекая, бросилась Глебу на шею, облобызала его и взволнованно спросила:

– Чем нам отблагодарить тебя, Первоход? Чем отплатить за твое добро?

Глеб осторожно высвободился из ее цепких объятий и сказал:

– Благодарите лекаря Хвалимира. Кабы не его перегонные кубы, у меня бы ничего не получилось.

Поблагодарив в самых возвышенных выражениях смущенного Хвалимира, стоявшего рядом, старостиха снова повернулась к Глебу.

– Как называется волшебное зелье, которое ты дал моему мужу, Первоход?

– Зелье-то? Оно называется антибиотик.

– Как?

– Антиби... – Глеб махнул рукой. – Не важно. Можешь сама придумать ему название.

– Называй его «зелье Первохода»! – крикнул кто-то. Другие тут же подхватили и загалдели: – Зелье Первохода! Зелье Первохода!

Глеб усмехнулся.

– И кто теперь осмелится утверждать, что пенициллин изобрел Александр Флеминг. – Он повернулся к лекарю: – Хвалимир, надеюсь, ты запомнил, как мы его изготовили?

– В общих чертах, – ответил тот.

– В общих не годится. – Глеб на секунду задумался, затем спросил: – Грамотой владеешь?

– Я легко читаю и славянскую, и гофскую клинопись, – не без гордости сообщил Хвалимир.

– Это хорошо. Я напишу тебе рецепт. Будешь делать антиби... то есть «зелье Первохода» с утра до вечера. Нам его много понадобится.

Глеб снова повернулся к толпившимся на дворе людям.

– Народ, у кого-нибудь есть береста и писало?

– Есть! – откликнулись из толпы. – Писарь живет недалеко! Мигом принесу!

– Отлично. Мы с Хвалимиром будем ждать в сарае.

Вернувшись в сарай, Глеб и лекарь Хвалимир уселись на лавки.

– Ты победил в нашем споре, Первоход, – проговорил Хвалимир, почтительно глядя на Глеба. – Сварил зелье из простой плесени, и оно победило страшную хворь. Это чудо.

– Зелье еще не победило, – возразил Глеб, доставая из кармана сигареты. – Но, скорее всего, победит. Староста мужик пожилой, однако крепкий. Должен выкарабкаться.

Закурив, Глеб помахал перед лицом рукой, отгоняя дым и сказал:

– Будешь давать ему порошок по три раза в день. Пока не выздоровеет.

– Как скажешь, Первоход, – смиренно заверил Хвалимир.

Дверь распахнулась, и в сарай вошел отрок в сермяжном кафтанчике. Почтительно поклонился Глебу и протянул ему бересту и писало. Глеб поблагодарил мальчишку, дождался, пока тот выйдет из сарая, и принялся писать рецепт. Однако бронзовое писало плохо его слушалось, клинышки выходили кривыми и малоразборчивыми. В конце концов Глеб вспылil.

– Дьявол! – выругался он. – Как же не хватает настоящей... – Тут Глеб вдруг замер. На челе его отобразилась дума. Поразмыслив несколько секунд, он быстро встал, прошел к двери, распахнул ее и громко осведомился:

– Народ, есть среди вас изготовители конопляной пеньки?

– Да, Первоход, – откликнулся шупленький мужичок. – Это я.

– Пенька – это ведь целлюлоза, – задумчиво проговорил Глеб. – А если это целлюлоза... –

Он внимательно воззрился на мужичка. – Ты далеко живешь?

– В трех избах отсюда.

– Отлично. Неси сюда пеньку! Полную сумку! И не бойся, я хорошо за нее заплачу.

Мужичок поклонился и, протолкнувшись через толпу, быстро выбежал со двора.

– У меня к вам еще одна просьба! – снова обратился Глеб к толпе. – Принесите мне древесную золу и какие-нибудь старые тряпки. Да – и еще рыбий клей. Только побыстрее. За быстроту заплачу щедро!

Вскоре все, что просил Глеб, было доставлено.

– Хвалимир, я воспользуюсь твоим сараем? – не столько спросил, сколько констатировал Глеб.

– Конечно! Ты можешь делать здесь все, что захочешь.

Глеб улыбнулся, кивнул и, засучив рукава, принялся за работу. Ни он, ни Хвалимир не заметили, как народ постепенно набился в сарай и с любопытством наблюдал за тем, что делает Первоход.

А делал он странные вещи. Смешал пеньку и древесную золу. Потом мелко нарезал кинжалом тряпицы. Получившуюся смесь Глеб залил водой, снова хорошенько перемешал, а затем так же хорошенько отжал. Затем залил мокрую «кашицу» водой и рыбьим клеем.

Хвалимир наблюдал за действиями Глеба с величайшим интересом. Пару раз он пытался узнать у Первохода, что тот хочет получить на выходе, но Глеб отделялся шутками, а то и просто не отвечал.

Жидковатую клейкую массу, получившуюся после всех смешиваний и отжимов, Глеб выложил на широкий железный поддон, а затем раскатывал ее валиком до тех пор, пока она не стала идеально ровной.

– Ну вот, – сказал он затем. Перевел дух и вытер рукавом потный лоб. – Кажется, то, что нужно. А теперь, Хвалимир, разожги духовку. Да не сильно. Массу нужно хорошенько просушить, но не поджарить.

Лекарь сделал все, как он велел. Когда духовка разогрелась до нужной температуры, Глеб сунул туда поддон с выложенной на ней массой, сложил на груди руки и приготовился ждать.

Когда, наконец, пришло время, Глеб, порозовев от волнения и нетерпения, достал из духовки поддон, поддел тончайший лист засохшей массы ножом и осторожно отделил его от поддона. Затем взял лист двумя пальцами за кончик, повернулся и, высоко его подняв, предъявил людям.

– Готово! – радостно сообщил он.

Народ, раскрыв рты, смотрел на лист.

– Что это? – спросил лекарь Хвалимир.

– Бумага.

– И для чего она нужна?

– Мы будем на ней писать. Да что писать, мы будем печатать на ней книги! Она тоньше, лучше и прочнее бересты!

Тут листок с легким треском разошелся пополам, нижний кусок спланировал на пол сарая, а верхний остался у Глеба в руке.

– Ничего, – ничуть не смутившись, проговорил Глеб. – Первый блин комом.

Он положил оставшийся клочок на стол и отряхнул руки. Затем уверенно заявил:

– Нам нужен типографский станок. И, кажется, я знаю, как его сделать. Вырежем из дерева буквы, выложим их в матрицу, намажем краской и накроем сверху листом бумаги. Несколько движений валиком, и страница с текстом готова! – Глеб подмигнул Хвалимиру и с улыбкой спросил: – Черт, и в кого я такой умный?

Один из мужиков, маленький, ухоженный, одетый в довольно дорогой и очень изящный кафтанчик, взял обрывок листа в руки и осторожно поковырял его ноготком.

– Удивительно! – выдохнул он. – Если наложить несколько слоев бумаги друг на друга и поставить их под пресс, выйдет отличная ткань!

– А ты кто? – поинтересовался у него Глеб.

Мужик отложил бумагу и со смущенной улыбкой ответил:

– Я Юдаша. Здешний портной.

– Что ж, портной, переписывай рецепт и готовь свою ткань! Если ткань будет крепка, я первый закажу тебе дюжину рубашек!

Кто-то дернул Глеба за рукав.

– Дяденька, а дяденька!

Глеб опустил взгляд и увидел тощего лохматого мальчишку.

– Дяденька, тебя всему этому научили боги? – с любопытством и почтительным страхом глядя на Глеба, спросил мальчишка.

Глеб положил ему руку на голову и ответил:

– Нет, сынок. Просто когда-то я был журналистом.

– Кем?

Глеб усмехнулся и пояснил:

– Человеком, которому платят деньги за то, что он всюду сует свой нос и запоминает кучу ненужной информации. Голова журналиста похожа на помойку. И, кажется, теперь эта «помойка» сослужит мне добрую службу. Запомни, сынок: тот, кто владеет информацией, владеет миром.

Глеб погладил мальчишку по волосам, подмигнул ему и весело рассмеялся.

7

Последующие дни прошли для Глеба, как в горячем тумане. Одержимый идеей реформ, он почти не спал и не сидел на одном месте более десяти минут. Новое дело целиком захватило его и изменило не только внутренне, но и внешне. От угрюмости Первохода не осталось и следа. Лицо его сияло, усталые глаза сверкали молодым блеском. Казалось, у Глеба вновь появились надежда и цель.

«Если я не могу вернуться в свой мир, я могу переделать этот, – размышлял он. – Сделать его похожим на свой. Конечно, это потребует много времени и труда, но я готов потрудиться. Главное – не тратить время попусту, а действовать. Обладая знанием человека XXI века и властью, подкрепленной огнестрельным оружием, можно пройти путь, на который человечеству понадобилось тысячелетие, за одно, максимум – за два поколения! Разве не так?»

– Так! – отвечал сам себе Глеб.

За время, проведенное в Гиблом месте, он повидал множество чудес. А раз можно обойти законы природы, значит, можно обойти и законы развития человеческого общества. Базисы, формации... Чушь собачья! В мире мечей и копий прав тот, у кого есть ружье!

На исходе второго дня Глеб сидел с кузнецом Вакаром в углу огромной княжьей кузницы. Кузнец за то время, что Глеб его не видел, слегка раздобрел, но вид имел такой же дикий, как прежде. Массивная голова, длинные рыжеватые волосы, тронутые сединой, клочковатая пепельная борода.

Прежде чем приступить к серьезному разговору, Глеб заявил:

– Вакар, хочу еще раз перед тобой повиниться.

– О чем это ты? – вскинул густые брови кузнец.

– Ты починил мое ружье и выковал мне меч Рудгор. Взамен я должен был принести тебе из Гиблого места гриб бессмертия. Но я не сумел его найти.

Вакар усмехнулся.

– Забудь про гриб, – сказал он. – Я сглупил. Не того возжелал. Болотный дух меня попутал. Давай лучше о деле.

Глеб раскатал на столе один из принесенных свитков и прижал его железным кузлом. Вакар прищурился на свиток и спросил:

– Это чего?

– Чертежи, – ответил Глеб. – Тут, конечно, не совсем все точно, но я старался как мог. Ты у нас Кулибин, ты все поймешь, а чего не поймешь – домыслишь сам.

Вакар склонился над чертежами. Долго смотрел, потом ткнул пальцем в один из рисунков:

– Это чего?

– Трехполье, – ответил Глеб. – Такая земледельческая система. В первый год поле засеивается озимым зерном, на второй – яровым, а на третий год поле стоит под паром и отдыхает. Земля истощается и требует отдыха, Вакар. Мы дадим ей этот отдых.

Кузнец несколько секунд размышлял, затем кивнул головой:

– Это я понимаю. Ежели земля будет отдыхать, то и лес под новые поля рубить будет незачем, так?

– Так, – кивнул Глеб.

– Ну, а коли засуха выжжет все посевы? Что тогда? У тебя и на этот случай припасены задумки, Первоход?

– Конечно. – Глеб разложил перед кузнецом следующий чертеж. – Взгляни сюда. Мы пророем каналы и проведем акведуки. Я был в командировке в Средней Азии и видел, как это делается. Для хранения воды мы создадим водохранилища. Дело, само собой, хлопотное,

однако со временем мы справимся и с этим. Поставим водонапорные башни, которые будут качать воду. Ну, а насосы для водонапорных башен ты сделаешь сам.

Вакар углубился в чертеж, а Глеб добавил:

– Первое, что мы должны сделать, – это победить голод. Второе – поприжать разбойников. С темнотой нормальному человеку опасно выходить из дома. Это никуда не годится.

Вакар поднял взгляд от чертежа и недоверчиво осведомился:

– И как же ты с этим будешь бороться?

– Как все, – ответил Глеб. – Создам полицию. Ну, то есть ночную стражу. Пущу конные разъезды по всему городу. Пойманных с поличным разбойников будем наказывать плетью и бросать в узилища.

Глеб взял следующий чертеж и разложил его перед Вакаром.

– А это что такое? – поинтересовался тот.

Глеб слегка смутился.

– Думаю, до этого руки дойдут не скоро, – сказал он. – Но со временем обязательно дойдут. Это школа. Парты, доска, стеллажи для учебных пособий.

– Школа?

– Изба, в которой мы будем обучать детей и взрослых грамоте, – пояснил Глеб. – Вот погоди, кузнец, мы и тебя грамоте обучим.

Вакар нахмурился и сказал:

– Мне не нравится школа.

– Школа никому не нравится, – заметил Глеб. – Но без школы никуда. Относись к ней как к неизбежному злу.

Глеб разложил следующий чертеж.

– А это – типографский станок, – объяснил он. – На нем мы будем печатать книги и учебники для школы. Я когда-то работал в типографии и кое-что усвоил. В целом ничего сложного – наборный шрифт, чернила, валик. Обучим людей грамоте, напечатаем для них книги. Пускай читают.

Вакар поднял на Глеба удивленный взгляд и спросил:

– На что тебе это?

– Как тебе сказать... Чем грамотнее будут люди, тем они больше будут знать. А чем больше они будут знать, тем лучше захотят жить. А чем лучше они захотят жить...

– Тем горестнее станет их жизнь, – докончил за Глеба кузнец. Он долго изучал чертеж, потом вздохнул и сказал: – Это все, конечно, хорошо. Но пока ты будешь печатать книги и поливать сухую землю, степняки и кривичи пожгут наши жилища, а самих нас сотрут в порошок.

– Ты прав. Поэтому начнем мы не со школ, а с мушкетов и пушек. – И Глеб вновь потянулся за чертежом. Разложил на столе, придавил куском железа и спросил: – Понимаешь, что это?

Вакар взглянул в чертеж. Брови его слегка приподнялись, а уголки губ дрогнули и сложились в удовлетворенную полуулыбку.

– Новое оружие?

– Да, – кивнул Глеб. – Я видел в книжках по истории. Эти штуки называются мушкеты. В принципе, устройство довольно простое. Вот смотри: это – ствол, а это – приклад. Вот тут – фитильный замок, а вот тут – шептало. В ствол... вот сюда... мы засыпаем огневое зелье. Утрамбовываем сверху шомполом. Потом кладем сверху пулю и снова утрамбовываем. Закрепляем сверху пыжом. Вот это – фитиль. Подносим к нему огонь и...

– Огневое зелье взрывается и выталкивает пулю, – договорил за него кузнец. – Это понятно. Но ведь твоя ольстра намного лучше.

– Лучше, – согласился Глеб. – Но устроена она сложнее и тоньше, и мы с тобой не сможем наладить ее серийное производство. А мушкетов нам понадобится много.

Вакар глянул на Глеба из-под кустистых бровей, пробормотал что-то неопределенное, затем снова склонился над чертежом.

– На этом рисунке – пушки, – объяснил Глеб. – Пушки действуют по тому же принципу, что и мушкеты. Они будут стрелять полыми железными ядрами. Ядра мы начиним огневым зельем и железной картечью.

– Страшное оружие, – одобрил Вакар. – Но сможем ли мы его построить?

– Сможем. Если этим займешься ты, то сможем. Когда-то ты сумел скопировать мое ружье и сделать двенадцать новых. А с этим и подавно справишься. Работы предстоит много, и нам понадобятся большие человеческие ресурсы. Для этого мы наберем по селам крепких и умных мужиков. Я научу их...

– Казна пуста, Первоход, – перебил Вакар. – Об этом знают все. А с пустой казной ты ничего не сделаешь.

По лицу Глеба пробежала тень.

– Ты прав, Вакар, но лишь отчасти. Казна действительно пуста, однако ее можно пополнить. Хлынские купцы не платят налогов, а сами жируют. Посмотри на их кафтаны и шапки! Эти щеголи увешаны драгоценными камнями, как новогодние елки – игрушками. На пальцах у боярина Добровола я видел полдюжины алмазов.

– Но это *его* алмазы, – поправил Глеба кузнец. – И вряд ли он с тобой поделится.

– Верно, его. Но куплены они на деньги, уворованные из казны. А то, что не из казны, то получено за бурую пыль. То есть – в обход указов княгини.

– Бурой пылью нынче торгуют все, – снова возразил кузнец.

Глеб усмехнулся и сухо уточнил:

– *Пока* торгуют. Но скоро я эту лавочку прикрою. Сегодня утром я видел у блажной избы три трупа. Их просто выволокли из избы и вышвырнули на улицу, как ненужный хлам.

– За бурую пыль купцы и бояре будут сражаться, – возразил Вакар. – Словом ты их не остановишь.

– Знаю. Гангстеры не понимают слов. Но они хорошо понимают язык силы. После сухого закона в Америке гангстеры чувствовали себя настоящими хозяевами жизни. Они просто плевали в лицо полицейским и фэбээровцам. Тогда те сколотили убойные отряды и стали отстреливать гангстеров, как бешеных собак. Да и в Италии было то же самое. – Глеб прищурил недобрые глаза и добавил: – Мафию можно победить только ее методами, Вакар. И в этих методах я силен.

На этот раз кузнец не стал возражать. А Глеб задумчиво потер пальцами подбородок и сказал:

– Начнем мы с бояр. Эти парни здорово поживились за счет казны. Но я заставлю их отдать все обратно.

– Будешь их уговаривать?

Глеб усмехнулся и отрицательно покачал головой.

– Не я – мушкеты. Мушкеты помогут нам их уговорить.

Вакар обдумал его слова, затем поинтересовался:

– Положим, мушкеты я смастерю, наука нехитрая. Но кто ж будет из них стрелять?

– Мы создадим особый отряд, – с воодушевлением ответил Глеб. – Сделаем тридцать мушкетов и наберем тридцать самых метких лучников. Научим их пользоваться мушкетами, а когда они овладеют искусством стрельбы, они станут нашей опорой в борьбе с хлынской мафией. Как тебе мой план?

Вакар помедлил, размышляя над словами Глеба, потом сказал:

– План хороший. Но хватит ли у тебя духу довести его до конца?

– Хватит, – твердо ответил Глеб.

Кузнец вздохнул и покачал головой:

– Я в этом не уверен. Прежде ты убивал темных тварей, но теперь тебе придется вести войну против людей. И не против печенегов с Голядью, а против своих, русичей. Купцы – народ тертый. Почти у каждого из них имеется отряд охоронцев. И все они вооружены до зубов.

– Когда они поймут, на что способны наши мушкеты, они станут сговорчивее, – убежденно заявил Глеб.

Кузнец нахмурился:

– Пока мы сделаем мушкеты и обучим стрелков, пройдет время. А бояре злы и коварны. Они ужалят тебя в спину.

– Значит, нужно вырвать у них жало, – отчеканил Глеб.

Кузнец все еще смотрел на Глеба с сомнением.

– Но у тебя всего лишь одна ольстра, а у них – мечники, копьяносцы и лучники. Изрубят тебя в капусту, оторвут голову, нашьпигуют стрелами, насадят на вертел и...

Глеб поморщился.

– Не слишком-то увлекайся, – сухо одернул он. – Но в целом ты прав. Действовать надо быстро. И если одной ольстры мало, значит, я должен раздобыть другое оружие. И будь уверен, я это сделаю. Сделаю, пока еще моя голова крепко сидит на плечах.

8

Несмотря на беды и невзгоды, обрушившиеся на Хлынь, его гнилой отросток, под названием Порочный град, жил своей обычной жизнью. Порочному граду не угрожали набеги коварных степняков и кровожадных соседей, поскольку слава о нем шла почти такая же дурная, как и о Гиблом месте.

Степняки были уверены, что тот, кто хотя бы однажды попал в Порочный град, уже проклят богами и обречен на вечные муки. Примерно такого же мнения, хотя и сформулированного не столь радикально, придерживались и соседи хлынцев – кривичи, радимичи и дреговичи.

Порочный град, город пропащих душ, не бедствовал в любые, даже самые лютые времена. Поскольку в любые времена в мире было полно сумасшедших богатеев, готовых выложить кошель с золотыми монетами за возможность напиться водки и поглазеть на бои оборотней с волколаками. Или сыграть в кости, поставив на кон золото, а после, когда кошель опустеет, – и саму жизнь. Желаящие переспать с красивой волколачихой также не переводились.

Глеб шагал по Порочному граду, таращась на пестрые, подсвеченные смоляными плашками вывески с перечнями удовольствий. А для тех, кто не силен в клинописной грамоте, все объясняли яркие картинки. Где-то голая баба, где-то кружка с пенным олуком, где-то игральные кости, а где-то и вовсе такое непотребство, что тошнота подкатывала к горлу от одного только вида.

Когда-то Глеб и сам был не прочь потягаться с «зеленым змием» в здешних кабаках, поставить пару серебряных монет на нового оборотня или провести ночь в компании румяной девки.

Вот и сейчас, глянув на вывеску с игральными костями, Глеб на мгновение задумался: не зайти ли? Два года назад он сорвал в этом игральном доме большой куш. Выигранных денег тогда хватило на два месяца безбедной и даже роскошной жизни.

Пару секунд Глеб размышлял, а потом тряхнул головой: нет. Только не сейчас. Он с трудом отвел глаза от вывески, вздохнул и зашагал дальше.

Возле главного кружала стоял тощий мужик в потертом кафтане и считал ворон. Глебу хватило одного взгляда, чтобы понять, что это «вестовой». Так местные разбойники называли проныр, шныряющих по заулкам Порочного града и подыскивающих для них добычу.

Площадь и примыкавшую к ней улочку разбойный люд облюбовал издавна, драки и поножовщина случались здесь постоянно – но переулком специально не перегораживали, чтобы после смертоубийства злоумышленники могли юркнуть в него и раствориться во тьме. В Порочном граде каждый промышлял как мог, и Крысун Скоробогат, хозяин всех местных заведений, препятствовал этому лишь по мере огромной необходимости и с большой неохотой.

Зная, что порочноградские вестовые всегда в курсе всех дел, Глеб двинулся к мужику, остановился перед ним и прямо сказал:

– Мне нужен Бельмец. Где мне его найти?

Вестовой, плешистый, невзрачный, с костлявыми, обезображенными оспой щеками, окинул высокую фигуру Глеба подозрительным взглядом.

– А ты кто таков? – вкрадчиво поинтересовался он.

– Я охотник, – ответил Глеб. – Только что с промысла. Привез Бельмecu кучу пушнины и целую бочку вяленого лосиного мяса.

Глеб достал из кармана несколько медных монет и подбросил их на ладони.

– А это я нашел на большаке, – так же спокойно проговорил он. – Может, знаешь – чьи?

Вестовой уставился на монеты и облизнул губы. Затем поднял на Глеба угрюмый взгляд и сухо изрек:

– Чьи монеты, не ведаю. Пспрашивай в кабаке: может, хозяин и сыщется.

Вестовой предпочел не рисковать. Быть в курсе всех дел полезно. Но еще полезнее – знать да помалкивать. Распускать язык в Порочном граде, бахвалясь своей осведомленностью, – еще опаснее, чем погореть по незнанию и неведению.

Вестовой повернулся и хотел юркнуть в черный переулок, но Глеб схватил его за плечо и резко развернул.

– Братва! – заорал вдруг вестовой, вытаращив на Глеба воспаленные глаза. – У него полные карманы денег!

Из темного переуллка, как серые волки из чащобы, стали выскальзывать душегубы. Один, второй, третий...

«Опять! – с досадой подумал Глеб. – Да когда же это кончится?!»

Он выхватил меч-всеруб, увернулся от удара кривой печенегской сабли, сделал резкий выпад и рассек одному из душегубов руку. Затем быстро развернулся и ударил второго душегуба голом клинка по голове. Третьего он сшиб с ног плечом, а когда тот попытался подняться, припечатал к земле ударом кулака.

Вестовой бросился наутек. Глеб быстро поднял с земли камень, тщательно прицелился и швырнул его улепетывающему бродяге в голову. Удар пришелся аккурат по макушке. Вестовой вскрикнул, споткнулся и рухнул лицом в грязь.

Глеб неторопливо подошел к вестовому. Тот лежал на земле, обхватив ладонями окровавленную голову, и тихонько поскуливал. Глеб присел рядом с ним, глянул ему в лицо жесткими холодными глазами и поинтересовался:

– Что – больно?

– Больно, – прохныкал мужик.

– Не надо было тебе от меня убегать. Но что сделано, то сделано. Теперь скажешь, где Бельмец?

Вестовой скосил на Глеба выпуклый глаз и хрипло прошептал:

– Теперь скажу.

9

Барыга Бельмец ничуть не изменился за те полтора года, что Глеб его не видел. Такая же паскудная физиономия, такой же белый глаз, такие же рыжеватые, длинные, реденькие патлы, невесть как держащиеся на плешиевой, будто обглоданная кость, голове.

Остановившись у стойки кружала, Глеб взглянул на Бельмеца и негромко произнес:

– Ну, здравствуй, барыга.

Бельмец побледнел и пугливо стрельнул единственным зрячим глазом по сторонам, выискивая пути к бегству. Однако бежать было некуда. Тогда Бельмец взглянул на Глеба, растянул губы в улыбку и приветливо воскликнул:

– Сколько лет, сколько зим, ходок! Если я не ослышался, ты пожелал мне здоровья, а это значит, что ты не станешь меня убивать.

Глеб мрачно усмехнулся:

– Порочный град кишит змеями. И если я убью одну из них, это ничего не изменит.

Барыга хихикнул и облизнул красные губы.

– А ты все такой же шутник, Первоход. Что будешь пить?

Глеб повернулся к целовальнику и громко распорядился:

– Стопку «порочноградской»!

Широкоплечий, грудастый, как баба, целовальник кивнул, наполнил оловянный стаканчик водкой из покрытого изморозью кувшина и поставил перед Глебом.

Водка показалась Глебу не такой хорошей, как раньше. Он поморщился, а Бельмец, заметив это, быстро проговорил:

– Водочка-то уже не та, что прежде, верно?

Глеб не ответил. Тогда Бельмец добавил:

– При Баве Прибытке все было иначе. Жаль, что ты его убил.

– Его убил не я, – возразил Глеб. – Его убила темная тварь.

– Пусть так, – тут же согласился Бельмец. Он промочил губы в кружке с олусом, вытер их рукавом и снова воззрился на Глеба. – Так зачем я тебе понадобился, Первоход?

Глеб глянул на барыгу таким взглядом, что тот поежился, и негромко отчеканил:

– Мне нужны чудные вещи.

Лицо барыги легонько дернулось, словно у него внезапно заболел зуб, и он скорбно вздохнул:

– Прости, Первоход, но нынче ты обратился не по адресу. Я больше не приторговываю чудными вещами.

Глеб свирепо усмехнулся.

– Это ты Расскажи своей ручной куропатке и свирепому хорьку, – презрительно и небрежно проронил он.

Бельмец суетливо повел узкими плечами и сказал:

– Но это в самом деле так. Нынче торговать чудными вещами невыгодно. Богатые стали такими богатыми, что не нуждаются в чуде. Оно им просто ни к чему. А бедным чудо не по карману.

Глеб дал знак целовальнику вновь наполнить стопку, затем повернулся к Бельмецу, посмотрел на него спокойным, прямым взглядом и уточнил:

– Значит, не торгуешь?

– Не торгую, – мотнул головой барыга.

– А если я переверну тебя вверх ногами и потрясу? Может, что и выпадет, а?

Бельмец нахмурился и обиженно шмыгнул носом:

– Откуда столько недоверия, Первоход. Я, кажется, никогда тебя не обманывал. Не обманываю и сейчас. А потому повторяю: я больше не торгую чудными ве...

– Кончай трепаться, – оборвал его Глеб, взял стопку и залпом ее опустошил. Поморщился, глянул искоса на барыгу и сказал: – Ты, кажется, забыл, с кем имеешь дело.

Бельмец недовольно нахмурился и слегка передернул плечами.

– Я-то как раз помню. В прошлый раз ты забрал у меня амулеты силой. И до сих пор не заплатил за них.

– Тогда у меня были кое-какие проблемы с наличностью. Но я их благополучно разрешил. Сегодня я заплачу тебе все, что ты попросишь. Если, конечно, цена будет справедливой.

Барыга с облегчением улыбнулся.

– Ты знаешь, Первоход, – моя цена всегда справедлива, – произнес он примирительно и приветливо. Затем быстро и незаметно огляделся, сунул руку в карман кафтана, достал что-то и протянул Глебу.

– Только осторожно, – предупредил он. – Этот Собиратель очень силен. Ходок Ясень нашел его в болоте. Выцарапал ножом из торфа.

Собиратель и впрямь был хорош. Он напоминал по виду горошинку черного перца. Отыскать такую «горошину» в Гиблой чащобе было очень нелегко. Собиратели лежали на одном месте сотни лет. Подобно маленьким аккумуляторам, накапливали они Силу, которой был пронизан воздух Гиблого места. А потом могли отдать всю накопленную Силу в один миг. Для людей они были почти безвредны, а вот для темной нечисти взрыв Собирателя был сродни взрыву небольшой атомной бомбы.

Глеб осмотрел Собиратель, вернул его барыге и сказал:

– Вещица хорошая. Но на этот раз мне нужны другие амулеты.

– Другие? – Бельмец недоуменно приподнял брови. – Это какие же? Для темных тварей нет ничего страшнее Собирателя.

– Я собираюсь охотиться не на нечисть, – сказал Глеб.

Несколько секунд барыга недоверчиво смотрел на Глеба, потом нахмурился и сказал:

– Вот оно что. Великий убийца темных тварей решил воевать с людьми? Воистину, странные и непостижимые дела вершатся в этом мире.

Глеб прервал его трепотню нетерпеливым жестом и сухо спросил:

– Что еще у тебя есть? Говори скорей, не томи.

Бельмец вздохнул, сунул руку в карман и достал небольшой светлый камушек. Показал его Глебу и сказал:

– Только для тебя, Первоход.

– Это чего? – прищурился Глеб.

– Мелок, – ответил Бельмец. – Но не простой. Я называю его Довесок.

– И в чем его ценность?

– Довесок усиливает мощь любого оружия. Если ты проведешь мелком по лезвию меча, меч станет в твоей руке легким, как перышко, и смертоносным, как десять мечей. Если смажешь стрелу, она обязательно попадет в цель.

Бельмец посплюнул пальцы, пригладил ими реденькую длинную прядь волос и добавил с похабной усмешкой на тонких губах:

– А коли потрешь Довеском свой мужской корешок, сможешь развлекаться с дюжиной девок сразу. Не зная устали и сна. И каждую ублажишь не единожды.

Глеб презрительно поморщился.

– Вижу, ты уже опробовал Довесок на своем довеске, – с брезгливой насмешливостью процедил он.

– И не только на нем, – хихикнул Бельмец. – Коли будешь брат, могу показать, как он действует.

– Покажешь? – Глеб холодно прищурился. – Ну давай.

Барыга согнал усмешку с губ и суетливо стрельнул глазом.

– А ты точно будешь брат?

– Если увижу, что ты меня не дуришь, возьму.

Бельмец облизнул губы и раздумчиво протянул:

– Что ж... Ты ведь знаешь, что я неважный кулачный боец, так?

Глеб кивнул:

– Так.

– Так, – повторил за ним барыга, кивнув сам себе головой. – Ну, а теперь смотри.

Он смазал мелком правую ладонь, затем сжал ее в кулак, посмотрел на Глеба исподлобья и вдруг двинул его кулаком в челюсть. В голове у Глеба ухнул колокол, он смутно сообразил, что летит, а затем что-то больно ударило его по спине и перед глазами запрыгали звездочки.

Полминуты спустя, придя в себя и с трудом приподняв голову, Глеб понял, что лежит на полу, в двух саженях от стойки. Рядом, на корточках, сидел барыга Бельмец.

– Что... – прохрипел Глеб, потом замолчал и поморщился от боли в ушибленной челюсти. – Что... случилось?

– Я ударил тебя, – сказал Бельмец. – Ты это помнишь?

– Чем?

– Кулаком.

Глеб, смахивая с волос опилки, сел на полу и осторожно потрогал пальцами ушибленную челюсть.

– А бил я вполсилы, – извиняющимся и одновременно горделивым голосом сообщил барыга. – А теперь представь, что будет, если ты натрешь мелком Довеском свой заговоренный меч.

Глеб представил. Убрал руку от челюсти, хмуро посмотрел на Бельмеца и уточнил:

– И как долго он действует?

– Пока не сотрется. Главное – держи Довесок подальше от воды. Плеснешь водой – и силе его конец.

Глеб поднялся с пола, зыркнул гневным взглядом на ухмыляющихся посетителей кружала, надеющихся на продолжение драки, затем взял Бельмеца за плечо, развернул его и повлек обратно к стойке.

У стойки он грубо усадил барыгу на лавку и тихо спросил:

– Сколько хочешь за мелок?

Бельмец глянул на Глеба алчно замерцавшим глазом и так же тихо ответил:

– Много.

– Сколько? – повторил свой вопрос Глеб.

– Десять золотых.

Глеб присвистнул:

– Это целое состояние. Где же ты найдешь покупателя, способного столько заплатить?

Бельмец ухмыльнулся:

– Сдается мне, что я его уже нашел, Глеб. И поскольку это ты, то я накину сверху еще две монеты. Итого – двенадцать золотых.

Произнеся последние слова, Бельмец снова залыбился, но на этот раз его улыбочка показала Глебу несколько панибратской, и он почувствовал раздражение.

– Так-так, – раздумчиво проговорил Глеб, глядя на Бельмеца недобрым взглядом. – А коли я возьму тебя за шиворот и хрястну физиономией об стойку? Твой Довесок сразу потеряет в цене монеты три, верно?

– Верно, – согласился Бельмец. – А посему отнимаем от двенадцати три и получаем девять. Ты сам назначил цену, Первоход.

Глеб усмехнулся наглости барыги, чуть помедлил, затем, саркастически хмыкнув, потянулся в карман за кошельком.

– Умеешь ты торговаться, Бельмец, – выдохнул он.

– Это мой хлеб, – улыбнулся в ответ барыга. – Я ведь деловой человек, а не доброхот.

Прикрыв кошель полой плаща, Глеб отсчитал девять золотых и незаметно передал их под стойкой Бельмecu. Когда сделка была совершена, барыга отхлебнул олуca, почмокал губами и сказал:

– Есть у меня еще кое-что. Правда, не знаю, сгодится тебе или нет.

С этими словами Бельмец достал из кармана небольшую вещь, похожую на светлый, туго перетянутый бечевками теннисный мячик, и показал ее Глебу. Тот взглянул на мячик и поинтересовался:

– Это что за чудо?

– Вещь не испытанная, – деловито сообщил барыга. – Один ходок сказал, что встречал уже такую в Гиблом месте. Он называл ее Паучьей ловушкой.

– Паучья ловушка... – повторил Глеб и внимательнее взглянул на мячик. – Как эта вещь действует?

Бельмец вздохнул и неохотно признался:

– Не знаю. А ходок не объяснил. Велел лишь, чтобы я об ней не думал.

– Не думал?

Бельмец кивнул.

– Угу. Такая вот странная вещь. Можешь мять ее в руках, можешь швырнуть об стену или наступить на нее ногой, ничего не станется. Но если ты не дотронешься, а просто представишь, как держишь ее в руке, она тут же оживет. Вот – гляди.

Бельмец положил мячик на стойку, слегка отодвинулся и пристально на него посмотрел. Мячик завибрировал на стойке и слегка увеличился в размерах.

Бельмец поспешно отвел взгляд.

– Видал? – сильным голосом пробормотал он. – Это я представил, что беру его в руку и перекидываю из ладони в ладонь.

Глеб взял со стойки мячик, помял в пальцах, затем поднял взгляд на Бельмeca и сказал:

– Вещь почти бесполезная. Сколько ты за нее просишь?

Бельмец отхлебнул олуca, почмокал губами, раздумывая, потом ответил:

– Лишнего брать не стану. Назначь свою цену, и на том разойдемся.

– Что ж... Пожалуй, я дам тебе за нее пригоршню меди.

Бельмец наморщил нос:

– Маловато, Глеб.

– Сам же сказал: вещь непонятная. Как знать, возможно, я покупаю у тебя свою смерть.

Барыга обдумал его слова и вздохнул:

– Ладно, согласен. Но лишь потому, что мне не слишком приятно носить эту гадость в кармане. Стоит мне о ней вспомнить, как тут же она начинает шевелиться, а меня от страха прошибает пот.

Глеб сунул Паучью ловушку в карман кафтана, затем, действуя все так же из-под полы, расплатился с Бельмecom медью.

– Что у тебя еще есть? – спросил он затем.

– Против людей – ничего. Не будешь же ты тыкать им в рожи сторожевыми рогатками. Кстати, как насчет Собирателя? Собиратель хороший, не скоро еще такой раздобуду. Ежели захочешь купить, сделаю тебе скидку.

– Сколько? – прищурился Глеб.

– Сам купил за два золотых, хотел продать за пять, но тебе отдам за три.

Глеб потянулся за кошельком.

– Ну вот, – удовлетворенно проговорил Бельмец, когда и эта сделка была завершена. – Теперь мы можем выпить за встречу. Хочешь меня угостить?

– Перебьешься, – дернул щекой Глеб.

Барыга усмехнулся.

– Ну, нет так нет. Приятно иметь с тобой дело, Первоход. Если еще что-нибудь понадобится...

– Вон он! – крикнул кто-то от двери, и Бельмец, не договорив, осекся.

Глеб обернулся к двери. Бродяга-вестовой, голова которого была замотана тряпкой, показывал на Глеба пальцем. Рядом с ним стоял невысокий коренастый тип с разбойничьей рожей. Встретившись взглядом с Глебом, разбойник ухмыльнулся и провел ногтем большого пальца по мускулистой шее.

Бельмец, мигом сообразив, в чем дело, вжал голову в плечи и прошептал:

– Кажется, это по твою душу, Первоход. Не буду тебе мешать. Прощай!

Он схватил свою кружку, слез с лавки и поспешно убрался в другой угол зала. Целовальник взглянул на Глеба и тихо проговорил:

– Здесь есть черный ход. Если хочешь, могу показать.

– Не надо, – так же тихо отозвался Глеб. – Они не похожи на дураков. Знаешь, кто такие?

Целовальник недовольно нахмурился и ответил:

– Да топлевские. Уже пару месяцев здесь промышляют.

– Как же им Крысун Скоробогат позволяет?

– Говорят, они ему отстегивают.

– Гм... Значит, придется драться.

Глеб вздохнул. Желания драться у него не было. Но, как видно, драки было не избежать.

– Может, еще и обойдется, – оптимистично предположил целовальник. – А если не обойдется, то скоро ты встретишься с хозяином подземного царства Велесом.

– Тоже неплохо, – усмехнулся Глеб. – Говорят, он интересный собеседник. В любом случае нам с ним будет о чем поговорить.

Заказав еще стопку водки, Глеб залпом ее опустошил, затем расплатился с целовальником, поднялся с лавки и, поправив перевязь с мечом, зашагал к двери.

10

На площади перед кабаком стоял коренастый разбойник, а с ним – еще четверо крепких мужиков в мухотяровых кафтанах и иршанных сапогах. Глеб остановился, взглянул на коренастого, который пожевывал травинку, и спросил:

– Ну?

Тот сплюнул травинку и прищурил узкие глаза:

– Ты обидел нашего приятеля.

– Да ну?

– Ты, должно быть, крут?

– Может быть.

– Ну, тогда...

Коренастый разбойник с лязгом выхватил из ножен меч, однако Глеб на мгновение опередил его. Молниеносным ударом он отбил клинок разбойника и тремя ударами заставил его отступить. Но тут коренастый разбойник снова ринулся в атаку, и на этот раз его поддержали четверо приятелей.

Глеб отбил выпад и, пропустив вражеский клинок у себя под мышкой, прижал его локтем к левому боку и нанес в лицо нападавшему ответный удар. Коренастый рухнул на землю с изувеченным лицом. Резко развернувшись, Глеб ударом меча свалил еще одного из противников и стал пятиться вдоль стены, отбиваясь от нападающих разбойников. Они были умелыми и опытными бойцами, однако через полминуты у еще одного из них из-под лопатки торчало острие меча.

– Леший! – вскрикнул он в тот миг, когда Глеб выдернул меч из его груди. Потом рухнул на колени и испустил дух.

И в это мгновение самый долговязый разбойник сильным, точным ударом выбил меч у Глеба из руки. Глеб хотел подхватить меч с земли, но двое разбойников оттеснили его к переулку. Тогда он выхватил из-за спины обрез ружья и выстрелом в упор снес долговязому полголовы. Вспышка и грохот заставили оставшегося разбойника ослабить напор, и Глеб хотел повторить салют, но курок ружья, как назло, заело.

И тут произошло нечто невероятное. Четверо сраженных разбойников, лежащих на земле, вдруг зашевелились, а потом поднялись на колени, опустили на четвереньки и вдруг принялись трястись и обрастать шерстью. Не прошло и пяти секунд, как прямо перед Глебом, отрезав ему путь к отступлению, стояли четыре оборотня. Глаза их красновато мерцали в темноте. Шерсть на холках вздыбилась, а с оскаленных клыков капала слюна.

Вожак пригнул голову и угрожающе зарычал. Глеб осторожно отступил к стене и, выставив перед собой руку в успокаивающем жесте, мягко проговорил:

– Хороший песик. Веди себя хорошо, и я дам тебе сахарную косточку.

Косматые твари, которых теперь стало уже пять, ринулись в атаку. Глеб отшвырнул заевшее ружье, выронил из рукава в ладонь гирьку кистеня, крутанул цепку и встретил первого оборотня ударом гирьки в грудь. Увернувшись от когтей второго оборотня и перепрыгнув через третьего, Глеб ударил нападающего оборотня кистенем промеж глаз. Потом снова взмахнул кистенем. Удары его достигали цели, но оборотни быстро приходили в себя. По крепости кости темных тварей не уступали железу, а мускулы их были крепки, будто канатные узлы.

Наконец, увернувшись от класнувших зубов твари, Глеб сумел выхватить из кармана мелок и чиркнуть им по гирьке кистеня. И тут же увидел зависшего над ним оборотня. И снова махнул кистенем. На этот раз удар гирьки был столь сокрушителен, что голова оборотня разлетелась на куски, как расколотый арбуз.

Глеб ринулся в атаку. Гирька кистеня завращалась с бешеной скоростью. Оборотни разлетелись в стороны, будто кегли. Не прошло и десяти секунд, как все было кончено.

Глеб остановился и перевел дух. Затем пнул ногой тело ближайшего оборотня, похожее на большую грудку рухляди, убедился, что тот мертв, вытер рукавом потный лоб и возмущенно заметил:

– Что ни день, то Хэллоуин. Клянусь болотным духом, скоро у меня будет аллергия на собак.

Убрав кистень в карман кафтана, Глеб поднял ружье и вставил его в кобуру. Затем вышел из переулочка, нашел меч, вытер его снегом, вложил в ножны и торопливо зашагал прочь. Порочный град действовал ему на нервы, и он хотел поскорее убраться отсюда.

11

Полтора часа спустя Глеб сидел в комнатке сестер Рожены и Божены с кувшином в руке. Божена, стоя рядом, сшивала ему ниткой разбитую бровь.

– Ты так и не сказал, кто это тебя так? – спросила Божена, затягивая узелок.

– Каким-то бродягам глянулся мой плащ, – спокойно ответил Глеб. – Но, к их несчастью, они не заметили под плащом меча.

– Ты убил их?

– Не знаю. На улице было темно.

– Ужас, – пробормотала Божена.

– Хорошо бы, чтоб убил, – со злостью в голосе заявила Рожена. – Проходу на улице нет от этого отребья. Скоро в двери и окна полезут.

– Я слышал, что Дулей Кривой завел собственных охоронцев, и они охраняют постоянный двор, – сказал Глеб.

– Да уж, нанял, – усмехнулась Рожена. – Видел бы ты их рожи, Глеб. Страшнее, чем у ночных татей.

Божена стянула петельку, ловко завязала последний узелок и срезала остаток нити острым ножом.

– Ну вот, – удовлетворенно заметила она. – Теперь будешь как новенький.

Глеб поблагодарил девушку, поднял кувшин к губам и отхлебнул травяного кваса.

– Поужинаешь с нами, Глеб? – спросила Божена.

– Нет. Мне пора идти.

Рожена и Божена переглянулись.

– Ты обещал погостить подольше, – сказала Рожена, нахмурившись.

Глеб улыбнулся и отрицательно качнул головой:

– Нет, неправда. Я никогда этого не обещал. Я действительно был бы рад пожить у вас подольше, но, увы, заботы не позволяют мне это сделать.

– Ты уезжаешь из Хлын-града? – спросила Божена.

Глеб нахмурился и нехотя признался:

– Нет. Я перебираюсь в княжий терем.

Лица сестер вытянулись от удивления.

– Я теперь советник княгини, – не глядя им в глаза, пояснил Глеб. – Она попросила меня провести кое-какие реформы.

– Провести... что? – не поняла Божена.

– Реформы. Княжество – как человек. Когда человек заболел, его надо лечить. Вы ведь целительницы, не мне вам это объяснять. Так вот, когда болеет целое княжество, оно тоже нуждается в лечении. Это лечение и называется реформами.

– Княгиня позвала тебя, чтобы ты исцелил княжество?

Глеб слегка покраснел и усмехнулся:

– Понимаю, как самонадеянно и глупо это звучит. Но... да. Я должен исцелить Хлынское княжество. Исцелить, пока Велес не накрыл его своим мрачным плащом и не превратил в мертвое царство Нави.

– Значит, ты уходишь от нас ради княгини Натальи? – холодно уточнила Рожена.

Глеб удивленно уставился на Рожену, потом дернул уголком губ и с досадой проговорил:

– Ох, женщины... Вечно вы слышите лишь то, что хотите услышать.

– Она тебя погубит, Глеб, – с чувством произнесла Божена. – Княгиня лукава и жестока. Не верь ее посулам.

– Вспомни, что она сделала с князем Егрой! – поддержала сестру Рожена. – Несколько лет она скрывала его тело, заставив всех верить, что он жив и вещает ее устами!

– Теперь все знают, что Егра мертв, но он продолжает вещать, – с горькой усмешкой уточнил Глеб. – Только на этот раз устами волхва Чтибогха.

– Лучше слушать волхва, чем княгиню, – уверенно заявила Рожена.

– Это почему же?

Рожена нахмурилась и рассудительно объяснила:

– Волхв говорит с богами, Глеб. И поэтому его во всем надлежит слушать. Ты ведь не собираешься бросить вызов богам?

– Я никому не хочу бросать вызов. Я просто хочу навести в княжестве порядок.

– Но...

– Оставим этот спор, Рожена. Я для себя уже все решил.

Девушка яростно дунула на мягкую белокурую прядку волос, упавшую ей на лицо, нахмурилась и сказала:

– Был бы ты моим мужем, заперла бы тебя в подполе и никуда бы не пускала. Кормила бы, как на убой, ублажала бы всяко, как только пожелаешь, работать бы не давала, но за порог – ни ногой!

– Ты опасная женщина, – со смехом отозвался Глеб. – Мне повезло, что я не твой муж.

– Может, когда-нибудь и станешь, – хмыкнув, сказала Рожена. – Пути богов неисповедимы.

Божена, стоявшая рядом, смутилась от стыда за сестру, затем взглянула на Глеба исподлобья и поинтересовалась:

– Ты к нам еще наведаешься, Глеб?

– Думаю, да. Но не в ближайшее время. У меня очень много работы.

Он поднялся с лавки.

– Мне пора, сестренки. Как хозяин дома – не обижает вас?

Божена отвела глаза, а взгляд Рожены стал холодным и насмешливым.

– Кажется, этот толстый козел решил пожениться.

– К которой из вас?

– Этого он еще не определил, поскольку мы для него на одно лицо.

Глеб прищурил темные глаза.

– И сильно он вас достает?

– Не то чтобы...

– Но достает?

Рожена криво усмехнулась и ответила:

– Иногда – страшно.

– Я зайду к нему и перекинусь парой словечек, – пообещал Глеб.

– Не стоит, Первоход, – мягко вымолвила Божена. – Он терпит нас в своем доме. Кто другой бы не стал, а он терпит. Не трогай его.

– Ладно, не буду, – сказал Глеб. – Но вы ему тоже спуску не давайте. Такие, как Дулей, понимают только язык силы. Когда сунется в следующий раз, дайте ему скалкой по башке. Договорились?

– Договорились, – с улыбкой ответила Божена.

Глеб по очереди обнял сестер и поцеловал их в прохладные лбы. Затем повернулся и зашагал к двери.

* * *

На этот раз дверь, ведущая в горницу Дулея Кривого, распахнулась после первого же удара.

– Первоход? – хрипло проговорил Дулей, привстав с лавки. Лицо его подергивалось, а взгляд был мутным. – Зачем пожаловал?

Хозяин постоянного двора был явно не в себе. Сперва Глеб подумал, что Дулей пьян, но, взглядевшись в его лицо, понял, что дело тут не в браге и не в водке, а в бурой пыли. Круги под глазами, побелевшие губы, пунцовый румянец на толстых, обрюзгших щеках – Дулей явно принял хорошую дозу порошка.

Бурая пыль, как и любой наркотик, лишает человека разума и заставляет его переоценивать свои силы. С наркоманами нужно действовать осторожно, однако спуску им лучше не давать, иначе совсем обнаглеют.

Глеб прошел в горницу, вынимая на ходу кошель. Отсчитал несколько монет и швырнул их на стол.

– Это тебе плата за проживание сестер, – грубо проронил он. – На полгода вперед. Не тревожь их. А ежели им понадобится помощь, помоги, понял?

– По... понял.

– И еще: не цепляйся к ним.

Дулей ослабил и заявил:

– Они кособоки и никому не нужны. Я могу осчастливить их.

– Только попробуй, – с угрозой произнес Глеб. – Я тогда сам тебя осчастливлю, да так, что мало не покажется. Всякий раз, когда будешь смотреть на Рожену и Божену, вспоминай меня. Понял?

– Понял. – Дулей прищурил набрякшие от пьянства веки. – Но ты тоже не слишком-то шуми, Первоход. У меня теперь есть охоронцы. Крикну их, враз прибегут.

Глеб уже хотел уходить, но задержался и с холодной усмешкой взглянул на Дивляна.

– Так, может, крикнешь? – предложил он. – Хочу посмотреть, что это за молодцы.

Хозяин постоянного двора насупился, отвел взгляд и буркнул:

– Не буду.

– Отчего ж так? – осведомился Глеб.

– Разнесешь ты им головы своей ольстрой, а новых я за такие деньги больше не найду. Ступай с миром, ходок. Не трону я твоих кособоконьких.

Глава вторая

1

Боярин Добровол осадил крепкого коня. На боярине была парчовая шуба, на пальцах, с которых он снял рукавицу, сверкали самоцветные перстни. Небольшой меч боярина, усыпанный яхонтами, бился по бархатному чепраку. Небрежно бросив поводья, Добровол повел бровью, слуга мгновенно соскочил с пегой лошади и схватил боярского коня под уздцы.

Добровол ловко спрыгнул с коня и зашагал к двери дома, из которой навстречу ему уже вышли двое, по виду и одежде – бояре. Поприветствовав Добровола, они ввели его в дом и вдвоем накиннули на скобы двери дубовый засов. Затем, освещая дорогу слюдяным светильником, прошли в сени, из сеней, пригибаясь в осевшей двери, в избу с лавками и русской курной печью.

Добровол огляделся. Это была довольно большая курная изба с высоким, почерневшим от копоти потолком. Посреди горницы стоял большой стол, и за ним сидели бородатые, хмурые люди в богатых одеждах, усыпанных самоцветами и драгоценными камнями.

Каждый из них поздоровался с Доброволом, после чего его усадили на почетное место за столом и поставили перед ним серебряный кубок с горячим таврийским вином, приправленным пряной гвоздикой.

– Дожили, бояре, – посетовал один из собравшихся за столом, мрачный, косматый, как медведь, и такой же здоровенный боярин Иловай. – Встречаемся леший знает где, под покровом ночи.

– Сему безобразию недолго длиться, – заверил боярин Добровол спокойным и мягким голосом. Погрев о кувшин пальцы, он отхлебнул горячего вина, затем обвел собравшихся властным взглядом и добавил: – Затем мы здесь и собрались, чтобы придумать, как избавиться от свалившейся нам на голову беды.

– У беды есть прозвище, – заметил рассудительный купец Колыван. – И это прозвище – Первоход.

– Верно, – поддакнул светловолосый купец Луд. – Наша беда – этот наглый ходок.

– Князем себя возомнил, – обиженно сопнул молодой боярин Буяк. – И княгинюшку в оборотец взял. Только под его свиристелку теперь и пляшет. Сегодня утром сунулся к ней с жалобкой, так она меня даже на порог не пустила.

– Говорят, сей самозванный советник собирается прикрыть торговлю бурой пылью, – сказал купец Колыван, поглядывая на Добровола. – Возможно ль такое?

Добровол снова отхлебнул вина, отер рукою густые усы и собрался ответить, но молодой боярин Буяк нетерпеливо выпалил:

– Это не может быть правдой. Чем же будет жить княжество, коли не станет бурой пылью?

Добровол метнул на него грозный взгляд, и тот поспешно замолчал и ссутулился, всем своим видом выражая почтительность. Добровол снова оглядел лица собравшихся за столом знатных бояр и богатейших купцов и сказал:

– Первоход зарвался, это понятно. Наделает в княжестве делов, все по миру пойдем. Будем с дырявой котомкой у христианских храмин побираться. И кости по оврагам глотать, как смердячие псы.

Лица мужчин перекошились.

– Я этого не позволю! – прорычал боярин Иловай.

– И я тоже! – горячо поддержал его боярин Буяк. – Не для того мой дед князя Аскольда на трон посадил, чтобы теперь я от этого трона обиду терпел.

– Да и мы, торговые люди, по миру идти не собираемся, – прогудел в бороду купец Колыван.

Собравшиеся замолчали и уставились на Добровола.

– Что ж делать-то, Добровол? – спросил Иловай упавшим голосом.

Добровол допил вино, отставил кубок и заговорил властным, веским голосом:

– Разумейте сами. Вот ты, Маламир, торгуешь досками. Что ты сделаешь, коли в кубе попадется доска, поеденная шепелем?

– Брошу в костер и сожгу. Иначе шепель переберется на другие доски, и товару конец.

– Правильно мыслишь, Маламир. Так же мы должны поступить и с Первоходом. Он нам мешает? Не беда. Мы уберем его с дороги и пойдем дальше.

– Справиться с Первоходом будет трудно, – сказал Иловай.

– Ой ли?

– Иловай прав, – подтвердил купец Луд. – Первоход – первейший в княжестве убийца темных тварей!

Боярин Добровол усмехнулся в густую бороду.

– Уж не себя ли ты мнишь темной тварью, Луд? А может, меня? Или боярина Иловая? Похожи мы на темных тварей, а, Луд?

– Я не про то хотел сказать, – угрюмо отозвался купец. – Первоход силен. И у него есть огнестрельный посох.

– Посох? Всего один посох? И он заставляет тебя дрожать? – Боярин Добровол презрительно усмехнулся. – Скоро и по родному дому будешь ходить, вцепившись в бабью юбку.

Лицо купца побагровело, глаза сверкнули гневом и обидой.

– Ладно, Луд, – примирительно произнес Добровол. – Прости, ежели обидел. Не с тобой я хочу воевать. Ты мне не враг, а союзник. И все мы теперь союзники, брате. Коли не объединимся против Первохода, всем нам будет скорый конец.

– Что же ты предлагаешь? – поинтересовался Иловай.

– А вот что. – Добровол мрачно прищурил глаза и чуть наклонил вперед голову. – У боярина Грибка есть новые охоронцы из свеев. Воины лютые и бесстрашные, но слову хозяина послушные. Свеи эти мастерски владеют ножами. Каждый из них в бою стоит десятка степняков.

– И что с того, что владеют? – нетерпеливо проговорил молодой боярин Буяк. – Против ольстры с ножами не попрешь!

– Про ольстру я разузнал, – сказал на это Добровол. – В ней всего пяток зарядов. А после того как заряды кончатся, Первоходу надобно время, чтобы вложить в ольстру новые. Свейских воинов – семь человек. Даже ежели все пять молний попадут в цель, двое оставшихся свеев изрежут Первохода ножами на куски.

Бояре и купцы задумчиво поскребли пятернями бороды.

– Так-то оно так, – заговорил боярин Иловай, – но у Первохода тоже будут охоронцы. Да и сам он парень не промах. Как только увидит свеев в зале, тут же прикажет выставить их вон.

И снова Добровол веско возразил:

– Свеи в городе люди новые. Их мало кто знает в лицо. Мы нарядим их боярами и проведем в зал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.